

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Часть VI.

Книжка первая.

АПРѢЛЬ 1792.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

Редк.
| Рс 824

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

"J'ai toujours senti que l'état d'auteur n'était, ne pouvait être illustre & respectable qu'autant qu'il n'était pas un métier.

Ж. Ж. Руко.

№. 34210/64

Часть VI.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

1792 года.

рег. 3407

ФБ

ref.

ОДОБРЕНИЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторъ я читалъ сию книгу, подъ заглавіемъ: Московской Журналъ, Часть VI, и не нашелъ въ ней ничего противнаго настасленію, данному мнѣ о разсмотриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ, и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНДРЕЙ БРЯНЦЕВЪ.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЬ.

Часть шестая. Книжка первая.

Мѣсяцъ Апрѣль.

I.

О Т Р Ы В О КЪ

*Изъ описанія празднества, бывшаго
у Его Свѣтлости Князя Григорія
Александровича Потемкина-
Гаврилескаго (*).*

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестра удостоены были Высочайшаго ИМПЕРАТОРСКАГО присутствія. На первомъ въ числѣ жадрии изволили кушать Государи Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи, а на второмъ Всемилостивѣйшая Государыня и Его Императорское Высочество, престола Наслѣдникъ, ть Высочайшую Его Супругою. Партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обо-

Счастъ VI.

А 2

его

(*) Нѣкоторые списки изъ сего описанія были помѣщены въ Августѣ мѣсяцѣ 1791 года Московскаго Журнала. Сочиниша всякой узнаешь. — К.

его пола особами. Порядокъ поставленъ ныхъ столовъ достоинъ примѣчанія. Всѣхъ взоры обращены были къ лицу Все-милостивѣйшей Государыни, и возносила-ся отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія освѣщенная гора съ приборами, съ услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оныя стояли стеклян-ные разноогненные сосуды, — что также представляло нѣкое необык-новенное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ велико-лѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей Всемилостивѣйшей и Великой Обладатель-ницы, и тѣснилась даже на высотахъ, чтобы насладиться Ея лицезрѣніемъ.

*

Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро.
Восточный, западный, сѣды океаны,
Трясясь челами, держали рѣдкихъ рыбъ.
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы спе-
ши,
Украина, Колмогоръ, несли тельцовъ
и дичь.
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала.
Съ

Съ плодами сладкими принесъ кошницу
Тавръ.

Рифей нагнувшись, въ топазны, ама-
ниспны

Лилъ кубки медъ златый, древъ искро-
мешный сокъ,

И съ Дона сладкое и Крымски вкусны
вины.

Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельша
съ рукъ,

въ фарфоръ, въ кристалѣ, чужія
питья, сиди,

Носила по госплемъ, какъ будто ихъ
стыдясь,

Что попчиваешь должна шакъ приходить
по неволѣ.

Обилье тучное всѣмъ проспирало длань.
Каршины по спѣнамъ, огнями освѣ-

щены,

Казалось, ожили, и рдлы лица ихъ
Изъ ирака выспавя, на славный пиръ

смотрели.

Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій,
Титъ,

Какъ будто изумясь, сойти со спѣнъ
желали,

И вопросишь: кого такъ угощаетъ
свѣтъ?

Кто кроме насъ влѣдѣть отважился
вселенной?

* * *

II.

НА РАЗЛУКУ СЪ Б * *.

Прости, мой другъ! Въ послѣд-
нїй разъ

Тебя я къ сердцу прижимаю —
Рокъ мрачный разлучаетъ насъ —
Послѣднюю слезу безмолвно проливаю...
Прости, и будь мнѣ другъ всегда!
Хотя бъ моря межъ насъ шумѣли,
Пески Ливійскіе горѣли;
Хотя бъ громады вѣчна льда
Меня съ тобою раздѣляли:
Ахъ, милой другъ! душа моей
Они бъ не заграждали
Пуши къ душѣ твоей! . . .
Прости, — и Ангелъ мира
Въ дыханіи зефира
Да вѣтъ за тобой!

Уже я вижу предъ собой
Весь пушъ, на коемъ знанность, слава,
Тебя съ дарами ждутъ. Души твоей
и нрава
Ничто не премънишъ; ты будешьъ
вѣчно ты —
Я вѣромъ, мой другъ, увѣренъ.
Не ослѣпятъ тебя блестящія мечты;
Разсудку, совѣсти всегда пребудешьъ
вѣренъ —
И видя вокругъ себя пороки, подлость,
лесшь,
Которыхъ цѣль ешь суевная честь,
Со вздохомъ вспомнишь то пріятнѣй-
шее время,
Когда со мной живалъ подъ кровомъ
шины;
Когда намъ жизнь была не тяго-
спное бремя,
Но радостный воспоргъ; когда, удалены
Отъ шума, опъ заботъ, съ весельемъ
мы гуляли
По утреннимъ лугамъ, и вѣ знайные
часы
Въ прохладныхъ гроцахъ отдыкали;
Когда вечернія красы

И пѣсни соловья вливали въ духъ нашъ
сладость . . .

Ахъ! часто мракъ темнилъ надъ на-
ми синій сводъ;

Но мы, вкушал радость,
Внимали шуму горныхъ водъ,

И сонъ съ тобою забывали!

Не рѣдко огнь блисталъ, гремѣлъ надъ
нами громъ;

Но мы сердечно ликовали

И улыбались предъ Опцомъ,

Который проспиралъ къ намъ съ неба
длань благую.

Въ воспоргъ пѣли мы гимнъ славы,
пѣснь священную,

И съ молицю нашъ горѣ спремился духъ.

Ты вспомнишь все сіе, и слезы пока-
тишися

По блѣдному лицу. Ахъ милой, нѣж-
ной другъ!

Сіи блаженны дни вовѣкъ не возвра-
тишися! —

Невольный тяжкій вздохъ колеблешь
грудь мою . . .

Грядетъ весна въ нашъ міръ, и хол-
мы зеленѣютъ,

И

И утренний пѣвецъ (*) гласитъ намъ
пѣснь свою —
Увы! тебѣ здѣсь нѣтъ! . . . звѣты
вездѣ пестрѣютъ,
Но сердце у меня въ печали не звѣстѣ..
Проспи! благій Отецъ и Геній твой
съ тобою!
Кто въ мірѣ и любви умѣетъ жиць
съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ спра-
нахъ найдетъ.
Проспи! твой другъ умретъ тебѣ
достойнымъ,
Послушнымъ испинѣ, въ душѣ своей
покойнымъ.
Не скажутъ вѣкъ обѣнемъ, чтобъ
онъ чиновъ искалъ;
Чтобъ знатнымъ подлецамъ когда ни-
будь ласкалъ.
Предъ Богомъ только онъ колѣна пре-
клоняетъ;
Страшился — одного себя;
Достоинства одни сердечно уважаетъ,
И любитъ всей душой тебѧ.

III.

О СЛАБОСТЬ!

Прелеста сдѣлала мнѣ легонькой отказъ.
Въ досадѣ на нее и горести безмѣрной
Вчера я говорилъ: уже въ послѣдній
разъ

Былъ въ домѣ у невѣрной!

А нынѣ поутру, не знаю какъ и самъ,
Опять я очутился тамъ.

И.

IV.

ПОХВАЛА

*Элизѣ Драперъ,
сочиненная Аббатомъ Реналемъ.*

Ты ничто, область Анжингская!
но Элиза родилась въ тебѣ. Сіи храни-
лицы товаровъ, воздвигнутыя Евро-
пейцами на берегахъ Азїи, со време-
немъ исчезнутъ. Мѣсто ихъ заро-
стѣтъ травою, или отмщенный Индї-
янинъ поспроитъ хижины свои на
ихъ развалинахъ, прежде нежели про-
текутъ немногіе вѣки. Но еспѣли
будутъ

будутъ жить мои сочиненія, по имя
Анжинги осипанется къ памяти чело-
вѣковъ. Тѣ, которые спаутъ чи-
тать ихъ; иѣ, коихъ принесутъ
вѣтры къ симъ берегамъ, скажутъ:
здесь-то родилась Элиза Драперѣ!
и есть ли случится между ими Бриш-
недъ, то онъ поспѣшишъ съ гордымъ
видомъ примолвишь: и родители ея
были Англичане.

Да излѣется здѣсь горестъ мой
и слезы! Ахъ! я любилъ Элизу! ...
Кто бы ты ни былъ, читатель!
проспи мнѣ сїе невольное движеніе,
и позволь говорить объ Элизѣ! Еже-
ли я прогадалъ тебя иногда, повѣствую
о злополучіяхъ рода человѣческаго,
то пожалѣй нынѣ о собственномъ мо-
емъ нещастіи. Я, не зная тебя, былъ
другомъ твоимъ: будь же моимъ на
минуту! Нѣжное твоє соспраданіе
почту моей наградой.

Элиза кончила жизнь въ отече-
ствѣ опіевъ своихъ, будучи трид-
цати трехъ лѣтъ отъ рожденія. Не-
бесная душа отдалась отъ небе-

снаго тѣла. Вы , посѣщающіе землю ,
въ которой покоится священный прахъ
ея ! напишите на мраморъ покрываю-
щемъ оныи : *Въ такомъ-то году, въ*
такомъ-то мѣсяцѣ, въ такой-то день,
въ такомъ-то часу, Богъ отблѣлъ духъ
Свой, и Элиза скончалась.

Творецъ оригиналный , почита-
тель и другъ Элизы ! она-то воспла-
мияла тебя въ сочиненіяхъ твоихъ ,
и самая строгательная спраинцы
оныхъ писалъ ты по ея вдохновенію .
Блаженный Спернъ (*) ! тебя уже
нѣтъ , а я оспался , и вмѣстѣ съ Эли-
зою тебя оплакивалъ ; ты оплакалъ
бы ее вмѣстѣ со мною ; и если бы
угодно было Небу , чтобы вы меня
пережили , тогда бы ты вмѣстѣ съ
нею проливалъ слезы о вѣрномъ другѣ .

Мужчины говорили , что Элиза
прѣяшнѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ ;
женщины говорили по же . Всѣ хвалили
ея искренность ; всѣ хвалили ея чув-

стви-

(*) Оиъ часто говорилъ объ Элизѣ въ сво-
ихъ сочиненіяхъ .

спышительность; есъ гордились ся зна-
комствомъ. Зависть не возспавала
противъ ея достоинствъ, которыхъ
она сама не знала.

Конечно вліянїю швоего щасливаго
климана, о Анжинга! она обязана бы-
ла симъ почти несвойственнымъ соеди-
ненiemъ таєственного жара съ благопри-
стойностью, которое обнаруживалось
во всѣхъ ся движенїяхъ. Ваятель,
изображая Сладоспрастie, взялъ бы
за образецъ Элизу; живописецъ могъ
бы въ ся видѣ представить Невин-
ность. Пасмурное и туманное небо
Англїи не могло погасить сей души,
въ нашихъ странахъ неизвѣстной. Эли-
за прельщала всѣмъ, что она ни дѣла-
ла, и возбуждала желаніе, но желаніе
робкое и безмолвное. Одинъ только
честный человѣкъ осмѣлился бы по-
любить ее, но не отважился бы от-
крыть ей любви своей.

Вездѣ иду Элизы; встречаю, лов-
лю нѣкоторыхъ черпры ся, нѣкото-
рыя ся пріятности, разсѣянныя ме-
жду прелестнѣшими женщинами. Но

гдѣ та, въ которой всѣ онѣ соединялись? Боги! вы испошили дары свои на образованіе Элизы: но для шего ли сотворили ее, чтобы мы одну минуту удивлялись ей, и потомъ вѣчно бы о ней жалѣли?

Всякой жалѣетъ объ Элизѣ, кто только ее видѣлъ; а я, я буду плакать о ней до гроба. Но довольно ли слезъ моихъ? Не скажушъ ли мнѣ тѣ, кошорымъ нѣжность и довѣренность ея ко мнѣ были извѣстны — не скажушъ ли они: Элизы нѣтъ, и ты живъ?

Элиза должна была оставить свое отечество, родителей, друзей своихъ, чтобы жить со мною и между моими. Какое блаженство я обѣщалъ себѣ! Какъ радовала меня мысль, что превосходнѣйшіе умы будущій искать ея знакомства, и женщины — самые тѣ, кошорымъ угодить весьма трудно — полюбяще ее сердечно! Я говорилъ самому себѣ: „Элиза молода, а ты уже близокъ къ послѣднему предѣлу жизни. Она смѣжитъ

житъ глаза твои,, Суевная надежда! о ничтожность всѣхъ человѣческихъ вѣроятностей! Старость моя пережила цвѣтущіе дни ея. Теперь нѣтъ уже для меня никого въ мірѣ. Судьба осудила меня жиць и умереть сиротою.

Элиза имѣла умъ просвѣщенный; но никто не примѣчалъ ея искусства. Оно только украшало природу, и служило въ ней къ продленію очарованія. Каждую минуту она болѣе привлекала; пленяла въ Индіи, пленяла и въ Европѣ. И такъ Элиза была прекрасна? Нѣтъ, мила только. Но не было красоты, которой бы она не помрачала, будучи единственна.

Она писала; и единоземцы ея, наиболѣе отличившіеся по вкусу и красотѣ ихъ сочиненій, не постыдились бы признать своими небольшое число страницъ, ею написанныхъ.

Увидя въ первый разъ Элизу, я почувствовалъ нѣчто до полѣ мнѣ неизвѣстное. Для дружбы было сїе чувство слишкомъ пламенно; для любви слиш-

слишкомъ непорочно. Естъли бы родилась во мнѣ спрасить, Элиза пожалѣла бы о нещаспномъ любовникѣ; она поспаралась бы обратить меня къ разсудку, а я совсѣмъ бы его лишился.

Элиза часто говоривала, что она никого такъ не почитаетъ, какъ меня. Теперь я могу сему вѣришь.

Въ самыя послѣднія минуты свои Элиза думала о своемъ другѣ, и я не могу начерпать строки, не имѣя передъ глазами памятника, которой она мнѣ оставила. Ахъ! почто не возможно ей было даровать перу моему и прелести и добродѣтели своей? По крайней мѣрѣ кажется мнѣ, будто я слышу голосъ ея: „Сія строгая, на тебя взирающая Музъ, есть Исторія, которой величественная должностъ состоимъ въ томъ, чтобы управлять суждениемъ потомства. Сіе крылатое божество, носящееся надъ земнымъ шаромъ, есть Слава, которая и намъ о тебѣ возвѣстила. Она принесла мнѣ твои писанія, и предуготовила нашъ союзъ почтеніемъ. Зри сего безсмертнаго

маго Феникса посреди пламени: се знаніе возвѣки живущаго шарческаго духа! Сіи образы да поощрлють тебя непрестанно быть защищникомъ теловѣтства, истины, свободы!

О Элиза! пріими съ высоты неба, первого и послѣдняго твоего отечества, пріими мою клятву. Клянусь не писать ни единой строки, въ которой бы не возможно было узнатъ твоего друга!

И.

V.

ПРОГУЛКА АРАБСКАГО ФИЛОСОФА АЛ-РАШИДА (*).

(Изъ сокиненій Г. Коцебу.)

При Дворѣ Калифа Муза-Ал-Гади жилъ спаредъ, именемъ Ал-Рашидъ. Придворные надъ нимъ подшучивали, дамы не любили его. Онъ въ семидесяти шесть лѣтъ четырнадцать разъ удаляемъ былъ отъ лица Государя своего за то, что на языкѣ у него бы-

Гасть VI.

Б

вала

(*) Мой любезной, милой другъ! за сей подарокъ, для меня драгоценной, благодарю щеби сердечно. — К.

вала всегда какая нибудь непрѣятная испина. Онъ непечалился о томъ, и всегда удалялся съ улыбкою; ибо въ саду Природы находилъ онъ себѣ самое лучшее сообщество. Дворъ четыринацать разъ призывалъ его обратно, видя, что онъ и безъ Двора жить можетъ.

Однажды при случай такой ссылки, изслѣдуя въ уединеніи спези мудрости, научился онъ языку всѣхъ тварей. Съ того времени любимая забава его состояла въ подслушиваніи разныхъ животныхъ. Часто случалось ему слышать, что они говорили умнѣе иного Каммер-Юнкера.

Нѣкогда увидѣлъ онъ на листьяхъ одного куста селеніе насѣкомыхъ, называемыхъ Эфемерами, которыми Творецъ поставилъ цѣль бытїя ихъ близъ часа ихъ рожденія; ибо они рождаются и умираютъ въ одинъ день. Ал-Рашидъ со вниманіемъ подкрался къ кучкѣ сихъ червячковъ, и примѣтилъ, что они диспутовались между собою съ жаромъ; но какъ всѣ они говорили другъ, то долго не могъ онъ

онъ вслушавшися, о чём они спорили. Наконецъ, когда уже самые задорные крикуны устали, онъ услышалъ, что рѣчь была о шмель и комарѣ, двухъ иностранныхъ виртуозахъ, недавно прибывшихъ. Эфемеры не согласны были, кому изъ нихъ отдать преимущество въ голосѣ. Одна Эфемера утверждала, что шмель поетъ самымъ лучшимъ басомъ, какого никогда еще въ дарствѣ насѣкомыхъ не слыхано; а другая держала спорону комара, который пѣлъ плѣняющимъ дикканшомъ.

„ Блаженныя твари ! вскричалъ „ Ал-Рашидъ : жизнь ихъ продолжаетъ „ся сколько нѣсколько часовъ ; однако жъ „ онъ могутъ въ шмелиномъ басѣ и „ комаровомъ дикканѣ находить за „баву ! „

Усмѣхнувшись, обратился онъ къ престарѣлому насѣкомому, которое сидѣло одно на особомъ листкѣ, и само съ собою говорило слѣдующее :

„ Славнѣйшіе мудрецы моего рода, „ жившіе за многіе часы прежде меня,

, утверждали уже, что бытѣе мїра
,, сего не болѣе осьмнадцати часовъ
,, продолжится; и мнѣ кажется, что
,, они говорили правду. Ибо размы-
,, шляя, сколько великое свѣтило, изъ
,, копораго Напура жизнь свою почер-
,, наестъ, въ мое время спуспилось къ
,, морю, составляющему предѣлъ сея
,, земли, необходимо долженъ я заклю-
,, чить, что оно прекратитъ въ немъ
,, свое печеніе, погасимъ въ водахъ
,, свѣтильникъ свой, и повергнемъ зем-
,, лю въ вѣчную тьму, — отъ чего
,, естественно всеобщему разрушенію
,, произойти должно. Изъ сихъ осьмнад-
,, цати часовъ я прожилъ семь, что
,, составляетъ четыреста двадцать
,, минутъ. Глубокая спарость! Коль
,, немногія твари нашего рода доспи-
,, гаютъ сея цѣли! Я видѣлъ, какъ
,, цѣлыя поколѣнія рождались, процвѣ-
,, тали и исчезали. Нынѣшніе друзья
,, мои суть дѣти и внуки друзей мла-
,, доспи моихъ, давно уже умершихъ.
,, Скоро, ахъ! — скоро уже и я по-
,, слѣдуя за ними. Хотя въ глу-
,, бо-

„ бокой моей старости, слава Богу!
„ я довольно еще здоровъ; но по обык-
„ новенному теченью Природы оспает-
„ ся мнѣ жить не болѣе осми ми-
„ нутъ. Чѣмъ мнѣ теперь пользы во
„ всѣхъ моихъ трудахъ? Чѣмъ пользы
„ въ запасѣ сладкой росы, который
„ собралъ я на эломъ листочкѣ съ
„ толикими заботами, и которыми
„ наступающій конецъ жизни моей на-
„ слаждаться мнѣ не позволяетъ?
„ Тщетно подвергалъ я чисто жизнь
„ свою опасности на сраженіяхъ за
„ моихъ соотечественниковъ; тщетно,
„ удаляясь отъ мірскаго шума, спа-
„ рался снабдить селеніе сїе мудрыми
„ законами. — Хотя друзья мои
„ льстятъ мнѣ тѣмъ, что я оставилъ
„ по себѣ славное имя; но чѣмъ бу-
„ детъ со славою мою, когда по скон-
„ чаніи осьмнадцати часовъ солнце
„ погаснетъ, и міръ навѣки въ ни-
„ чѣ преобразится? Хорошо бы,
„ еслѣ бы слава моя продолжалась
„ хотя часовъ тридцать или со-
„ рокъ!,, —

Ал-Рашидъ усмѣхнулся; — но подумавши, долженъ былъ ужаснувшись своей усмѣшки; ибо *гасы* или *годы* — не все ли равно?

Пп.

VI.

ЛИСИМАХЪ.

(*Изъ сочинений Монтиескійо.*)

Александръ, разрушивъ Персидскую Монархію, хотѣлъ, чтобы его почитали Юпитеровыимъ сыномъ. Македоняне были оскорблены тѣмъ, что сей Государь спыдился признавать Филиппа отцемъ своимъ. Неудовольствіе ихъ удвоилось, когда они увидѣли, что онъ въ обычаяхъ и въ одеждахъ началъ подражать Персамъ. Всѣ они съ нетерпованіемъ помышляли обѣ услугахъ, оказанныхъ ими такому человѣку, который уже начиналъ презирать ихъ. Но въ войскахъ роптали, не смѣя говорить.

Философъ Калисоенъ слѣдовалъ за Царемъ въ его походѣ. Однажды, когда

тда

гда сей мудрецъ поклонился ему по
обычаю Грековъ, Александръ спро-
силъ его: для того ты не обоготворя-
ешь меня? „Государь! отвѣчалъ ему
„Калисœенъ: ты повелѣваешь двумя
„народами: одинъ изъ нихъ былъ все-
„гда невольникомъ, прежде нежели ты
„покорилъ его, и таковымъ остался
„подъ твою державою; другой же
„былъ свободнымъ еще прежде, нежели
„служилъ тебѣ къ одержанію шоли-
„кихъ побѣдъ, и свободенъ остался
„по учиненїи тебя славнѣйшимъ въ
„свѣтѣ побѣдителемъ. Я Грекъ, Го-
„сударь; а сёе имя ты споль высоко
„вознесъ, что не оскорбивъ тебя,
„его унизить не можно.,,

Пороки Александровы были столь
же чрезвычайны, какъ и его добродѣ-
тели; онъ ужасалъ во гнѣвѣ своеи,
которой дѣлалъ его жестокимъ. При-
казавъ отрубить ноги, носъ и уши
Калисœену, велѣлъ онъ его посадить
въ желѣзную клѣпку, и везти такимъ
образомъ позади войска.

Я любилъ Калисоена, и всегда, когда оспавалось мнѣ отъ дѣлъ моихъ нѣсколько свободныхъ часовъ, употреблялъ ихъ на слушаніе его наставлений. Ежели имѣю теперь любовь къ добродѣтели, то онаю обязанъ конечно впечатлѣніемъ, произведеннымъ во мнѣ его бесѣдою. Я пошелъ къ нему, и сказалъ: „Здравствуй знаменитой нещасливецъ, „заключенной въ желѣзной клѣткѣ, подобно какъ заключаютъ дикихъ зверей, за то, что ты былъ единственнымъ „человѣкомъ въ цѣломъ войскѣ!“

„Лисимахъ!“ сказалъ онъ мнѣ: „когда я вижу себя въ такомъ состояніи, которое требуетъ силы и бодрости, то мнѣ кажется, что я нахожусь почти въ моемъ мѣстѣ. Поистинѣ. ежели бы боги послали меня на землю для того только, чтобы вести сладоспастную жизнь: тогда бы я подумалъ, что они напрасно дали мнѣ великую и безсмертную душу. Наслаждаясь чувственнымъ удовольствіемъ могуши всѣ

,, люди ; и ежели боги для сего единаго произвели смертныхъ, то они
,, создали насъ совершеннѣе , нежели
,, хотѣли , и сдѣлали болѣе того, чѣто
,, предпринимали. — Не по слова мои
,, значупъ , продолжалъ онъ , чтобы я
,, былъ нечувствителенъ. Сїя минута
,, доказываетъ противное. Увидѣвъ
,, тебя идущаго , я съ нѣкоторымъ
,, удовольствіемъ думалъ показать тебѣ
,, бѣ опыпъ истиннаго мужества. Но ,
,, для имени боговъ , да будешь сїе въ
,, послѣдній разъ! Оспавь меня сно-
,, си путь мое нещастіе , и не имѣй
,, жестокости присоединить къ оному
,, еще твоё!,,

,, Калисоенъ! сказалъ я ему : знай,
,, что я буду приходить къ тебѣ каж-
,, дой день. Ежели бѣ Государь уви-
,, дѣлъ тебя осажденнаго отъ всѣхъ
,, добродѣтельныхъ людей , онъ бы не
,, имѣлъ угрызенія совѣсти , и началъ
,, бы думать , что ты въ самомъ дѣлѣ
,, виновенъ. Ахъ ! онъ не будешь
,, имѣть того удовольствія , чтобы

„его наказанія заставили меня когда-
либо забыть моего друга!”,

Нѣкогда Калисоень сказалъ мнѣ:
„Бесмертные боги меня упѣшили,
и нѣкая божественная сила истре-
била во мнѣ чувство спраданія. Я
видѣлъ во снѣ великаго Юпитера;
видѣлъ тѣбя подлѣ него; въ рукѣ
твоей былъ скипетръ, а на главѣ
царскій вѣнецъ. Сей богъ, указавъ
на тѣбя, сказалъ: *трезвъ него будешь*
щастливъ. Внутреннее мое волненіе
пробудило меня. Я проснулся, имѣя
подѣлъшия къ небу руки, и отвер-
спыя уста, хотѣвшія произнести:
„Великій Юпитеръ! когда Писимахъ
долженъ царствовать, то да цар-
ствуетъ онъ съ правдою! Лиси-
махъ! ты будешь царствовать; по-
вѣрь человѣку, которою долженъ
быть любезенъ богамъ, ибо онъ
спраждешь за добродѣтель.”,

Между тѣмъ Александръ, узнавъ,
что я чтилъ Калисоеново нещастіе и
дерзаль явно обѣ немъ соболѣзвовать,
снова воскликнулъ яростью. „Иди, ис-
„ща-

„ щаспный! сказалъ онъ, иди сражать-
„ ся со львами, когда тебѣ споль прї-
„ яшно жить съ звѣрями дикими. „
Казнь мою опирочили, чтобы сдѣ-
лать онуу всенароднымъ позорищемъ.
На канунѣ того дня написалъ я къ
Калиссеону: „ Минъ должно умереть.
„ Всѣ мысли, которыя ты вселилъ въ
„ меня о будущемъ моемъ величествѣ,
„ исчезли изъ моего воображенія. Я же-
„ далъ бы усладить горестъ такова
„ человѣка, какъ ты. „

Прексапъ, которому я повѣрилъ
еїе, принесъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ:
„ Лисимахъ! еспѣли боги опредѣлили
„ тебѣ царствованіе, то Александръ
„ не можетъ опирать у тебѣ жизни;
„ люди не промиборствуютъ волѣ бо-
„ говѣ. „

Сїи строки меня ободрили; и
размысливъ, что самые щаспливые и
нешашишіе люди равно обѣяны ру-
кою Провидѣнія, рѣшился я поручить
себя не надеждѣ, но своему мужеству,
и защищать до самаго конца жизнь,

на которой основаны были споль великие обѣты.

Меня привели на мѣсто сраженія, которое было окружено безчисленнымъ народомъ, долженствовавшимъ быть свидѣтелемъ моего мужества, или моей робости. Пустили ко мнѣ льва. Я подставилъ ему руку, обвернувъ ее своимъ илащемъ; левъ хотѣлъ пожрать ее — я схватилъ языкъ его, вырвалъ оный, и повергъ его къ ногамъ моимъ.

Александръ любилъ отъ природы мужественные дѣянія; онъ удивился моей неуспрашимости, и сїя минута была минутою возвращенія великой души его.

Онъ призвалъ меня, и проспиралъ ко мнѣ руку, сказалъ: „Лисимахъ! я „возвращаю тебѣ мою дружбу; воз- „врати мнѣ свою. Гнѣвъ мой заспа- „вилъ тебѣ учинить дѣяніе, како- „го недоспавало въ Александровой „жизни. „

Я вошелъ къ Государю въ милость, обожалъ опредѣленіе боговъ, и ожидалъ исполненія ихъ обѣта, не ища и не убѣгая онаго. Александръ умеръ, и ни одинъ народъ не имѣлъ повелителя. Царской сынъ былъ во младенчествѣ; а братъ его Аридей не выходилъ никогда изъ онаго. Олимпія имѣла одну дерзость слабыхъ душъ; жестокость была для нее мужествомъ. Роксана, Эвридика, Сипатира, погибли въ горести. Въ царскихъ черпогахъ всѣ умѣли спенать; но никто не умѣлъ царствовать. Наконецъ полководцы Александровы возвели взоры свои на его тронъ; но всѣ они были равно честолюбивы. Мы раздѣлили государство; и всякой изъ насъ думалъ, что онъ раздѣлилъ съ прочими награду трудовъ своихъ.

Судьба поставила меня обладашемъ Азii; и теперь, имѣя власть неограниченную, болѣе прежняго чувствую нужду въ наспавленіяхъ Калистратовыхъ. Радость его возвѣщаетъ мнѣ,

мнѣ , что я учинилъ какое нибудь доб-
рое дѣло ; а вздохи его говорятъ
мнѣ , что я долженъ исправить какое
нибудь зло. Онъ посредникъ между
мною и моими подданными.

Я Царь народа , меня любящаго.
Опцы желають продленія моей жизни,
какъ жизни своихъ дѣтей ; дѣти спра-
шатся потерять меня , такъ , какъ
они спрашатся потерять опцовъ сво-
ихъ. Подданные мои щасливы , и я
благополученъ вмѣстѣ съ ними.

Пер. А. Г.

VII.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА.

(Продолженіе).

Лозана.

Я прїѣхалъ въ Лозану ночью. Го-
родъ спалъ , и все молчало , кроме
такъ называемаго ночнаго караульщи-
ка , который , ходя по улицамъ , кри-
чалъ : *ударило часъ , граждане !* Мнѣ
хотѣлось остановиться въ практирѣ

золотаго лъва; но на стукъ мой отвѣчали шамъ: tout est plein, Monsieur! tout est plein! (все занято, государь мой, все занято!) Я поспучался въ другомъ трактирѣ, à la Couronne; но и тамъ отвѣчали мнѣ: tout est plein, Monsieur! — Вообразите мое положение! Ночью на улицѣ, въ неизвѣстномъ для меня городѣ, безъ пристанища, безъ знакомыхъ! Ночной караульщикъ, или часовѣщатель, сжалился надо мною, и подошедши къ запертымъ дверямъ трактира,увѣрялъ сонливаго отвѣчавшеля, что Monsieur est un Voyageur de qualité (что прїѣхавшій господинъ не изъ простыхъ пушесственниковъ); но намъ шѣмъ же голосомъ отвѣчали: все занято; желаю доброй ноги Господину Путешественнику! — C'est impertinent ça! (это безстыдно!) сказалъ мой часовѣщатель: „подище за мною въ трактирѣ олени, гдѣ васъ вѣрно примутъ., — Тамъ въ самомъ дѣль меня приняли, и отвели мнѣ изрядную комнату. Добродушной караульщикъ съ улыбкою сердечнаго удоволь-

швейцарія пожелалъ мнѣ пріятнаго сна, оказалось отъ двадцати копѣекъ, предложенныхыхъ ему отъ мене, — пошелъ и закричалъ: *ударило часъ, любезные граждане!* Я развернулъ карманную книжку свою и записалъ: *такого-то числа, въ Лозанѣ, нашелъ доброго теловѣка, которой безкорыстно услугиваетъ ближнимъ.*

На другой день поутру исходилъ я весь городъ, и могу сказать, что онъ очень нехорошъ; лежитъ отчасти въ ямѣ, отчасты на косогорѣ, и куда ни поди, вездѣ надобно спускаться съ горы или восходить на гору. Улицы узки, нечисты и худо вымощены. Но на всякомъ возвышенномъ мѣстѣ открываются живописные виды. Чистое, обширное Женевское озеро; цѣль Савойскихъ горъ, за нимъ воздымающихся, и разсѣянныя по берегу его деревни и городки — Моржъ, Роль, Нюонъ — составляютъ прелестную, разнообразную картину. Друзья мои! когда Судьба велишъ вамъ бышъ въ Лозанѣ, то взоидите на террасу кашедраль.

дрялъной церкви, и вспомнишь, что не сколько часовъ моей жизни пропекли тутъ въ удовольствіи и тихой радости! Есъли бы теперь спросили меня: чѣмъ не лъзя никогда насытиться? то я отвѣчалъ бы: хорошими видами. Сколько я видѣлъ прекрасныхъ мѣстъ! и при всемъ томъ смотрю на новые съ живѣйшимъ удовольствіемъ!

У меня было письмо къ Г. Леваду (Натуралисту и Автору разныхъ пїесъ, напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Лозанскаго Ученаго Общества). Домъ и садъ его мнѣ очень полюбились; въ послѣднемъ встрѣчаются глазамъ Латинскія, Французскія и Англійскія надписи, выбранныя изъ разныхъ Поэповъ. Между прочими нашелъ я спрофу изъ Аддиссоновой Оды, въ которой Поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, прїятые имъ отъ руки Его — за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію — и за друга, вѣрнаго, любезнаго друга! Щастливъ Г. Левадъ, есъли въ Аддиссоновыхъ стихахъ находитъ онъ собою

ственныхъ свои чувства! — Сія Ода напечатана въ Англійскомъ Зрителѣ. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ ея, и въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

*И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей славы Твоей!* —

восходящее солнце освѣтило меня первыми лучами своими. Сіе утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

Вмѣстѣ съ Гм. Левадомъ былъ я въ *Café littéraire*, гдѣ можно читать многіе Французскіе, Англійскіе и Нѣмецкіе Журналы. Я намѣренъ часто посѣщать сей кофейной домъ, пока пребуду въ Лозанѣ. Теперь же, къ нещастію, не льзя прогуливаться; почти съ самого упра идетъ пресильной дождь.

Лозана бываетъ всегда наполнена молодыми Англичанами, которые прѣѣзжаюшъ сюда учиться по Французски и — дѣлать разныя глупости и проказы. Иногда и наши любезныя соотечественники присоединяются къ нимъ,

нимъ, и вмѣсто того, чтобы успѣвашь въ наукахъ, успѣвающъ въ шалостиахъ. По крайней мѣрѣ я никому бы не совѣтовалъ посыпать дѣтей своихъ въ Лозану, гдѣ развѣ только одному Французскому языку можно хорошо выучиться. Всѣ прочія науки преподаются въ Нѣмецкихъ Университетахъ гораздо лучше, нежели здѣсь; чemu доказательствомъ служитъ и то, что самые Швейцары, желающіе посвятить себя учености, ѻздятъ въ Лейпцигъ, а особливо въ Геттингенъ. Нигдѣ способы ученія не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи; и кого Плашнеръ, кого Гейне не заставитъ полюбить науки, тотъ конечно не имѣетъ уже въ себѣ никакой способности. — Молодые чужестранцы живущіи и учатся здѣсь въ Пансіонахъ, платя за то шесть или семь луидоровъ въ мѣсяцъ, что составитъ на наши деньги около пятидесяти рублей.

Здѣсь поселился нашъ соотечественникъ, Графъ Григорій Кирило-

вичъ Разумовскій, человѣкъ ученой и великой Нашуралисѣ. По любви къ наукамъ, отказался онъ отъ чиновъ, на которые знанный родъ его давалъ ему право — удалился въ такую землю, гдѣ Нашура сполъ великолѣпна, и гдѣ склонность его находитъ для себя болѣе пищи — живетъ въ тишинѣ, трудится надъ умноженіемъ знаній человѣческихъ въ царствахъ Природы, и дѣлаетъ честь своему отечеству. Ешьли не ошибаюсь, то онъ первой изъ Россіянъ извѣстенъ въ Европѣ какъ испинно ученой человѣкъ. Сочиненія его всѣ на Французскомъ языке. — За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ Лозану.

Сю минуту пришелъ я изъ кафедральной церкви. Тамъ изъ чернаго мрамора сооруженъ памятникъ Княгинѣ Орловой, которая въ цветущей молодости скончала дни свои въ Лозанѣ, въ объятияхъ нѣжнаго, неупѣш-

утѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна — прекрасна и чувствительна! . . . Я благословилъ память ея. — Бѣлая мраморная урна споишъ на шонъ мѣстъ, гдѣ погребена Герцогиня Курляндская, которая была предметомъ почтенія и любви всѣхъ здѣшнихъ жителей. Она любила Натуру и Поэзію; Натура и Музы Британіи, вмѣстѣ съ Музами Германскими, образовали духъ и сердце ся.

Въ пять часовъ поутру вышелъ я изъ Лозаны, съ весельемъ въ сердцѣ и — съ Русовою Элоизою въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертной Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ. Дорога отъ Лозаны идетъ между виноградныхъ садовъ, обведенныхъ высокою каменною стѣною, которая на обѣихъ сторонахъ была границею мо-

его зрењя. Но гдѣ только сїя спѣха
перерывається, тамъ видны съ лѣ-
вой стороны разнообразные уступы
и возвышенія горы Юры, на кото-
рыхъ представляються глазамъ или пре-
краснѣйшіе виноградные сады, или
маленькіе домики, или башни съ раз-
валинами древнихъ замковъ; а на пра-
вой зеленые луга, обсаженные пло-
довитыми деревьями, и гладкое Же-
невское озеро, съ грозными скалами
Савойскаго берега. — Въ девять ча-
совъ былъ я уже въ Вевѣ (до кото-
раго отъ Лозаны четыре Франц.
мили), и остановясь подъ тѣнью каш-
тановыхъ деревъ гульбища, находяща-
гося на западной сторонѣ города, смо-
трѣлъ на каменные утесы Мельери,
съ которыхъ отчаянной Сенъ Прю хо-
тѣлъ низвергнуться въ озеро, и оп-
куда писалъ онъ къ Юлии слѣдующія
строки;

„ Въ ужасныхъ изступленіяхъ и
„ въ волненіи души моей не могу я
„ быть на одномъ мѣстѣ; брошу, съ уси-
иемъ взираясь на высоты, устрем-

„ ляюсь на вершины скаль ; скопыми шагами обхожу всѣ окрестности , и вижу во всѣхъ предметахъ тошь самой ужасъ , которой царствуетъ въ моей внутренности . Ни гдѣ уже нѣтъ зелени ; праوا поблекла и пожелѣла , дерева стоятъ безъ листьевъ , холодной вѣтеръ наливаетъ сугробы , и вся Натура мертва въ глазахъ моихъ , подобно надеждѣ въ моемъ сердцѣ . — Менду скалами сего берега нашелъ я въ уединенномъ убѣжищѣ маленькую равнину , откуда виденъ щастливой городъ , въ которомъ ты обитаешь . Вообрази , съ какою жадностю успремся взоръ мои къ сему любезному мѣсту ! Въ первой день я всячески старался найти глазами домъ твой ; но отъ чрезмѣрной отдаленности всѣ мои усилия оставались пѣщеными , и я , примѣтивъ , что воображение обманываетъ глаза мои , пошелъ къ Священнику и взялъ у него телескопъ , посредствомъ котораго увидѣлъ жилище твое ; по крайней мѣрѣ я

„ думалъ , что его вижу . Съ того
„ времени дѣлые дни провожу въ семъ
„ убѣжищѣ , и смотрю на блаженныя
„ спѣны , заключающія источникъ жиз-
„ ни моей . Не взирая на погоду , при-
„ хожу туда поутру , и возвращаюсь
„ опшуда ночью . Листья , сухія вѣнь-
„ ви , мною зажигаемыя , и беспрестан-
„ ное движеніе , защищающіе меня отъ
„ чрезвычайнаго холода . Сіе дикое
„ мѣсто мнѣ такъ полюбилось , что я
„ приношу туда бумагу съ чернили-
„ щею , и теперь пишу тамъ пись-
„ мо , на камнѣ , опавшимся отъ
„ ближней скалы . „

Вы можете имѣть понятіе о чув-
спвахъ , произведенныхъ во мнѣ сими
предметами , зная , какъ я люблю Руссо , и
съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ ва-
ми его Элоизу ! Хотя въ семъ романѣ мно-
го неспецифического , много увеличенаго
— однимъ словомъ , много *романиче-*
скаго — однако жъ на Французскомъ
языкѣ никто не описывалъ любви па-
жими яркими , живыми красками , ка-
жими она въ Элоизѣ описана — въ
Эло-

Элоизѣ, безъ кошорой не существовалъ бы и Нѣмецкой Зѣртерѣ (*). — Надобно, чтобы красота здѣшнихъ мѣстъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Русской душѣ; всѣ описанія его такъ живы, и притомъ такъ вѣрны! Мне казалось, что я нашелъ глазами ишу равнину (*éplanade*), которая была споль привлекательна для нещастнаго Сенъ-Прю. Ахъ, друзья мои! для чего въ самомъ дѣлѣ не было Юліи! для чего Руссо не величъ искашь здѣсь слѣдовъ ея! Жестокой! ты описалъ намъ такое прекрасное существо, и послѣ говоришь: *его нѣтъ!* Вы помните сїе мѣсто въ его *Confessions*. „Я скажу всѣмъ имѣющимъ вкусъ, „всѣмъ чувствительнымъ: поѣзжайте „въ Веве, осмотрите его окрестно- „сти, гуляйте по озеру — и вы со- „гласитесь, что сїи прекрасныя мѣ- „ста достойны Юліи, Клеры и Сенъ-
В 5 „Прю;

(*) Основаніе романа то же, и многія положенія (*situations*) въ Вершерѣ взяты изъ Элоизы; но въ немъ болѣе нашуры.

„Прю; но не ищите ихъ тамъ. „ —
Коксъ, извѣсной Англійской Пушеч-
ственникъ, пишетъ, что Руссо сочи-
нялъ Элоизу живя въ деревнѣ Мельери;
но это несправедливо. Господинъ де Л*,
о которомъ вы слыхали, зналъ Руссо
и увѣрялъ меня, что онъ писалъ сей
романъ въ то время, когда жилъ въ
Эрмитажѣ, въ трехъ или четырехъ
миляхъ отъ Парижа (*).

(*) Тогда я не читалъ еще продолженія
Руссовыхъ признаній или *Confessions*,
которое вышло въ свѣтъ въ бытность
мою въ Женевѣ, и въ которомъ описано
происхожденіе всѣхъ его сочине-
ній по порядку. Я приведу здѣсь мѣ-
сса, касающіяся до Элоизы. Руссо,
прославясь въ Парижѣ своею Оперою
Devin du Village и другими сочиненія-
ми, прѣѣхалъ въ Женеву, и былъ при-
нятъ тамъ съ отмѣнными почестями;
всѣ увѣряли его въ своей любви, въ по-
чтеніи иѣ его дарованій, и чувстви-
тельной, растянутой Руссо обѣщаѣ
своимъ согражданамъ навсегда иѣ нимъ
переселиться, и только на короткое
время

— Отдохнувъ въ практирѣ и напившись чаю, пошелъ я далѣе по берегу озера, чтобы видѣть главную сцену романа, селеніе *Кларанд*. Высокія, густыя деревы скрываютъ его отъ непріѣливыхъ взоровъ. Подошелъ, и увидѣлъ — бѣдную маленькую

время сѣѣздить въ Парижъ, чтобы учредить тамъ дѣла свои. „Послѣ „сего рѣшенія (говоритъ онъ) я оставилъ вилъ всѣ важныя упражненія, чтобы з, веселившись съ друзьями до времени моего отѣзда. Всего болѣе полюбилась мнѣ тогда прогулка съ семействомъ пріятеля моего Дедюка. Въ самое прекрасное время наняли мы лодку, и въ семь дней обѣхали все озеро. Мѣста на другомъ концѣ онаго впечатлѣлись въ мсей памяти, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того я списалъ ихъ въ Новейший Элоизъ. „— Господинъ де Лэ сказалъ мнѣ правду: Руссо точно сочинялъ свою Элоизу въ то время, когда жилъ въ Фримитажѣ подъ Парижа. Вотъ что говорилъ онъ о проискожденіи своего романа: „Я пред-
спас

кую деревеньку, лежащую у подошвы горъ, покрытыхъ елями. Вмѣсто жи-
лища Юліна, споль прекрасно опи-
саннаго, предсталъ мнѣ старой за-
мокъ съ башнями; суровая наруж-
ность его показываетъ суровость
тѣхъ временъ, въ которыхъ онъ по-
спро-

„ спавлялъ себѣ любовь и дружбу
„ (двухъ идоловъ моего сердца) въ
„ самыхъ восхитительнейшихъ обра-
„ захъ; упрашивалъ ихъ всѣми прелес-
„ тиями нѣжнаго пола, всегда мною
„ любимаго; воображалъ себѣ сихъ
„ друзей не мужчинами, а женщинами
„ (ибо еспѣли такой примѣръ и рѣже,
„ то по крайней мѣрѣ онъ еще любез-
„ нѣ). Я далъ имъ два характера сход-
„ ные, но не одинакѣ; два образа,
„ не совершенные, но по моему вкусу;
„ добродушна и чувствительность одуше-
„ вала и ихъ. Одна была черноволосая,
„ другая блонурая; одна разсудитель-
„ на, другая слаба, но въ самой слабо-
„ сти своей любезная и добродѣтельная.
„ Одной изъ нихъ далъ я любовника,
„ которому другая была нѣжнымъ дру-
„ гомъ, и еще болѣе нежели другомъ;
„ но

строенъ. Многіе изъ тамошнихъ жи-
телей знаютъ Новую Элоизу, и весь-
ма довольно пѣмъ, что великой Рус-
со прославилъ ихъ родину, сдѣлавъ
ее

„ но только безъ всячаго совмѣстни-
„ чества, безъ ревности и ссоры: ибо
„ душа моей трудно вообразашъ про-
„ пивныя чувства, и припомъ мнѣ
„ не хотѣлось помрачить сей карти-
„ на ничѣмъ, унижающимъ напуро.
„ Будучи восхищенъ сими двумя пре-
„ красными образцами, я всячески сбли-
„ жалъ себя съ любовникомъ и друг-
„ гомъ; однако же представилъ его
„ молодымъ и прекраснымъ, давъ ему
„ мои добродѣтели и пороки. Что-
„ бы посеѧть моихъ любовниковъ
„ въ пристойной для нихъ странѣ,
„ я проходилъ въ памяти своей всѣ
„ лучшія мѣста, видѣнныя мною въ
„ путешесствіяхъ; но не могъ найти
„ ни одного совершенно хорошаго. До-
„ лины Фессаллійскія могли бы меня
„ удовољствовать, еслѣли бы я ви-
„ дѣлъ ихъ; но воображеніе мое,
„ успавъ выдумывать, хопѣло иако-
„ го нибудь существеннаго мѣста, ко-

„ шо-

ее сцену своего романа. Работаю-
щий поселенецъ, видя тамъ любопыт-
наго пришельца, говоритъ ему съ
усмѣшкою: *баринъ конечно читалъ Но-
вую Элоизу?* Одинъ спарикъ показы-
валъ

„порое могло бы служить ему осно-
ваніемъ. Наконецъ я выбралъ берега
того озера, вокругъ котораго серд-
це мое не переставало носиться „ —
и проч. Съ неописаннымъ удоволь-
ствиемъ читалъ я въ Женевѣ сїи Con-
fessions, въ которыхъ такъ живо изо-
бражается душа и сердце милаго Руссо.
Нѣсколько времени послѣ того вообра-
женіе мое только имъ занималось,
и даже во снѣ. Духъ его парилъ
надо мною. — Одинъ молодой знако-
мой мнѣ живописецъ, прочитавъ Con-
fessions, такъ полюбилъ Руссо, что
нѣсколько разъ принимался писать
его въ разныхъ положеніяхъ, хотя
(сколько мнѣ известно) не кончилъ
ни одной изъ сихъ картины. Я ломню,
что онъ между прочимъ изобразилъ
его цѣлующаго фланелевую кипу, при-
сланную ему на жилетъ отъ Госпожи
Дѣ. Молодому живописцу вазалось эпо
очень прогапельнымъ. Люди имѣютъ
разные глаза и разныя чувства!

валъ мнѣ и шотъ лѣсокъ, въ кото-
ромъ, по Руссову описанію, Юлія
поцѣловала въ первой разъ спасшаго
Сенъ-Прѣо, и симъ магическимъ при-
косновеніемъ попрясла въ немъ всю
нервную систему его. — За сею
деревенькою волны озера омываютъ
спины укрѣпленнаго замка Шильйона;
унылой шумъ ихъ склоняетъ душу къ
меланхолической дремотѣ. Еще да-
лѣе, при концѣ озера (гдѣ впадаетъ
въ него Рона) лежитъ Вильневъ, ма-
ленькой городокъ; но я посмотрѣлъ
на него издали, и возвратился въ
Веве.

О семъ городѣ скажу вамъ, что
положеніе его — на берегу прекраснѣй-
шаго въ свѣтѣ озера, пропивъ дик-
ихъ Савойскихъ ущесовъ, и подлѣ
плодоносныхъ горъ — очень пріятно.
Онъ несравненно лучше Лозаны; ули-
цы ровны и регулярны; есть хоро-
шіе дома и прекрасная площадь. Здѣсь
живутъ почти всѣ дворяне Француз-
ской Швейцаріи, или Pays - de - Vaud;

за всемъ тѣмъ Веве не кажется весьма многолюднымъ городомъ.

Въ здѣшній трактиръ вмѣстѣ со мною вошли четыре человѣка въ дорожныхъ плащахъ, и вмѣстѣ со мною потребовали обѣда. Въ нѣсколько минутъ мы познакомились, и я узналъ, что трое изъ нихъ были Вестфальскіе Бароны, а четвертой Польской Князь. Послѣдній возвращается изъ Франціи въ свое опечество, и заѣхалъ въ Швейцарію только для того, чтобы взглянуть на Мельери и Кларанъ. Бароны по довѣренности сказали мнѣ (когда Полякъ вышелъ изъ комната), что они весьма недовольны его товариществомъ; что онъ навязался на нихъ въ городкѣ Моржѣ, и съ того времени не даетъ покоя ушамъ ихъ, безпрестанно бранясь или съ кучеромъ, или съ гребцами, или съ трактирщиками; и что онъ, по ихъ примѣчанію, есть великой лжецъ. Скорѣ я имѣлъ случай увѣриТЬСЯ въ справедливости сказаннаго ими. Лишь только мы сѣли за сполъ, Польской Князь

Князь началъ бранить хозяина за кушанье; все было для него дурно, все-го мало. Трактирщикъ напомнилъ ему, что онъ не въ Варшавѣ; но Полякъ не унялся до послѣдняго блюда. Потомъ вѣдумалъ онъ разсказывать мнѣ о Бастильскомъ штурмѣ, на которому будто бы ему прострѣлили шляпу и кафтанъ. Я не могъ его долго слушать, чувствуя нужду въ отдохновеніи, и ушелъ въ опведенную мнѣ комнату.

Всякой, кто читалъ примѣчанія Коксова Переводчика, Рамона, вѣдѣтъ конечно на террасу здѣшней церкви, чтобы сидя между гробовъ, подъ мрачною тѣнью сполѣпныхъ деревъ, проводить глазами заходящее солнце, насладиться шиною вечернею, и видѣть сгущеніе ночныхъ тѣней на романической картины Вевейскихъ окрестностей. Я былъ тамъ, и погрузясь въ самого себя, не чувствовалъ, какъ черная, величественная ночь окинула покровомъ своимъ и небо и землю. — Проспите!

Лозана.

Вчера ввечеру возвратился я изъ Веве, и насили дошелъ до Лозаны, будучи измученъ зноемъ и жаромъ.

Отъ сильнаго волненія въ крови провелъ я ночь не весьма покойно, и видѣлъ сны, изъ которыхъ одинъ показался мнѣ примѣчанія доспойнымъ. Мнѣ привидѣлось, что я въ большой залѣ спою на каѳедрѣ, и при множествѣ слушателей говорю рѣчь о темпераментахъ. Проснувшись, я схватилъ перо и написалъ, что осталось въ памяти моей, изъ чего, къ моему удивленію, вышло нечто порядочное. Судите сами — вотъ сей отрывокъ:

„Темпераментъ ешь основаніе „ морального существа нашего, а ха- „рактеръ случайная форма онаго. Мы „родимся съ темпераментомъ, но „безъ характера, которой образуетъ „ся мало по малу отъ виныхъ ви- „чаплѣній. Характеръ зависитъ ко- „нечно отъ темперамента, но толь- „ко отчасти, завися впрочемъ отъ „рода действующихъ на насъ пред- „_з ме-

,, мѣповъ. Особливая способность при-
,, нимать впечатлѣнія есть темпера-
,, ментъ; форма, которую даютъ си
,, впечатлѣнія нашему моральному су-
,, ществу, есть характеръ. Одинъ
,, предметъ производитъ разныя дѣй-
,, ствія въ моральныхъ существахъ —
,, отъ чего? отъ различности темпе-
,, раментовъ, или отъ разнаго свой-
,, ства моральной массы, котораѣ
,, есть младенецъ.,,

Вы мнѣ повѣришѣ, что я не при-
бавилъ и не убавилъ, и написалъ сло-
ва точно такъ, какъ сновидѣніе впе-
чатлѣло ихъ въ моей памяти. Кто
изъяснилъ связь идей, во снѣ намъ
представляющихся! и какимъ образомъ
онѣ возбуждаются? Я совсѣмъ не ду-
малъ наяву о темпераментахъ и ха-
рактерахъ: отъ чего же мечталъ обѣ
нихъ?

Я завѣтрахалъ мнѣ у Г. Левада,
съ двумя французскими маркизами,
прѣхавшими изъ Парижа. Они сообщи-
ли мнѣ весьма худое понятіе о Па-
рижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣ-

которые изъ нихъ , видя нагой прупъ нещастнаго дю - Фулона , влакимый по улицамъ бѣшенымъ народомъ , воскликали: какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ ! И Маркизы рассказывали объ эпомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ !! У меня сердце поворотилось.

Лозанскія общества отличаются отъ Бернскихъ впервыхъ тѣмъ , что въ нихъ всегда играютъ въ карпы , а вовторыхъ и большею свободою въ обращеніи . Мне кажется , что здѣшніе жители переняли не только языкъ , но и самые нравы у Французовъ , по крайней мѣрѣ отчасти , то есть , удержавъ въ себѣ нѣкоторую жесткость и холодность , свойственную Швейцарамъ . Сие смѣшніе для меня прошивно . Цѣлостъ , оригинальность ! вы во всемъ драгоценны ; вы занимаете , питаеще мою душу — всякое подражаніе мнѣ прошивно .

Я слушалъ нынѣ проповѣдь въ каѳедральной церкви . Проповѣдникъ былъ распудренъ и разряженъ ; въ шѣло-

движенияхъ и въ голосѣ актерство-
валъ до крайности. Все поученіе со-
спояло въ высокопарномъ пустословіи,
а комплиментъ начальникамъ и
всему красному городу Лозанѣ былъ
заключеніемъ. Я посматривалъ то на
проповѣдника, шо на слушателей; во-
образилъ себѣ нашего П., Греб. Свя-
щенника, Лафапера — пожалъ плечами,
и вышелъ вонъ. Кстапи или
не кстапи скажу вамъ, что изъ всѣхъ
церковныхъ Рипоровъ, которыхъ мнѣ
 удалось читать или слышать, нра-
вился мнѣ только одинъ — Йорикъ!

На здѣшнемъ загородномъ гуль-
бищѣ, называемомъ Mont-Belon, на-
шелъ я нынѣ ввечеру множество лю-
дей. Какое смыщеніе націй! Швейцары,
Французы, Англичане, Нѣмцы, Ита-
лиянцы, толпились вмѣстѣ. Я сѣлъ на
уединенной лавкѣ, и дождался захож-
денія солица, которое, спускаясь
къ озеру, освѣщало на споронѣ Савой-
дичъ, пустоту, бѣдность, а на бе-
регу Лозанскому плодоносные сады,
изобиліе и богатство; мнѣ казалось,

что въ вѣтеркѣ , несущемся съ про-
тивоположнаго берега , слышу я вздо-
хи бѣдныхъ поселянъ Савойскихъ

Женева , Октября 2 , 1789.

Вдругъ три письма отъ васъ , ми-
лые ! Ешьли бы вы видѣли , какъ я
обрадовался ! По крайней мѣрѣ вы жи-
вы и здоровы ! Благодарю Судьбу !
Ешьли щастіе ваше несовершенно ;
есшьли — — — — —

(*) Друзья мои ! болѣе ничего не ска-
жу ; но я хотѣлъ бы отдать вамъ
всѣ свои пріятныя минуты , чтобы
сдѣлать жизнь вашу цѣплю минутъ ,
часовъ и дней пріятныхъ . Когда ни-
будь — мы будемъ щасливы ! вѣрно ,
вѣрно будемъ !

Опѣ Лозаны до Женевы ѿхалъ я
по берегу Озера , между виноградныхъ
садовъ и полей , которые впрочемъ
не такъ хорошо обработаны , какъ въ
Нѣмецкой Швейцаріи , и поселяне въ
Pays - de - Vaud гораздо бѣднѣе , неже-
ли въ Бернскомъ и Цирихскомъ Кан-

то-

(#) Здѣсь выпущено иѣсколько спрятъ ,
нисанныхъ не для Публики ,

тонахъ. — Изъ городковъ, лежащихъ на берегу озера, лучше всѣхъ полюбился мнѣ Моржъ.

Вы конечно удивитесь, когда скажу вамъ, что я въ Женевѣ намѣренъ прожить почти всю зиму. Окрестности Женевскія прекрасны, городъ хороши. По рекомендательнымъ письмамъ отворены мнѣ входы въ первые дома. Образъ жизни Женевцевъ свободенъ и пріятеленъ — чего же лучше? Вѣдь мнѣ надобно пожить на одномъ мѣстѣ! Душа моя упомнилась отъ множества любопытныхъ и безпреспанно новыхъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ ея вниманіе; ей нужно опохновеніе — нуженъ тонкой, сладостной, питательной сонъ на персахъ любезной Природы.

Трактирная жизнь моя кончилась. За девять рублей въ мѣсяцъ я нанялъ себѣ большую, свѣтлую, изрядно прибранную комнату въ паршикулярномъ домѣ; завелъ свой чай и кофе; а обѣдаю въ Пансіонѣ, платя за то рубли четыре въ недѣлю. Вы не можете

вообразить себѣ, какъ пріятенъ мнѣ
теперь новой образъ жизни, и малень-
кое заведенное мною хозяйство! Вспав-
ши рано поутру, и надѣвъ свой по-
ходной серпукъ (*), выхожу я изъ
города, гуляю по берегу гладкаго озе-
ра, или шумящей Роны, между садовъ
и прекрасныхъ сельскихъ домиковъ,
въ которыхъ богатые Женевскіе граж-
дане проводятъ лѣто; по томъ оп-
дыхаю и пью чай въ какомъ нибудь
трактирѣ, или во Франціи, или въ
Швейцаріи, или въ Савої (вы знаете,
что Женева лежитъ на границѣ сихъ
земель) — по томъ еще гуляю, возвраща-
ясь домой, пью съ густыми слив-
ками кофе, которой варитъ мнѣ хо-
зяйка моя, Мадамъ Лажье — читаю
книгу или пишу, — въ двѣнадцать
часовъ одѣваюсь, въ часъ обѣдаю; по-
слѣ обѣда бываю въ кофейныхъ домахъ,
тдѣ всегда множество людей, и гдѣ
рассказываются вѣсти; гдѣ разсуж-
да-

(*) Я не имѣю дужа писать сюрутуть,
или — что еще хуже — сюрутукъ.

дають о Французскихъ дѣлахъ, о декретахъ Национального Собрания, о Неккерѣ, о Графѣ Мирабо, и проч. Въ шесть часовъ иду или въ Театръ, или въ собраніе — и такимъ образомъ кончился вечеръ.

Въ разсужденіи здѣшнихъ обществъ скажу вамъ, что Женевцы обыкновенно зовутъ гостей на вечеръ *pintь тай*. Въ шесть часовъ сходятся, пьютъ кофе, чай, и ъдятъ бисквиты; по томъ садяются играть въ карты, по большей части въ вискъ, и проигрываютъ или выигрываютъ рубли два, три; въ десятомъ часу всѣ расходятся, кроме трехъ или четырехъ короткихъ хозяину пріятелей, которые остаются у него ужинать. На сихъ *вегеринкахъ* собирается человѣкъ по шесдцати; тутъ видите вы знамныхъ Французовъ, оставившихъ свое отечество — Нѣмецкихъ Принцъ, Англичанъ, и всего менѣе Женевцевъ. Обѣдать или ужинать зовутъ рѣдко. Г. Кела, одинъ изъ Начальниковъ или Синдиковъ здѣшней Республики,

лики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородной домъ свой. Сполъ былъ очень хорошъ. Тутъ познакомилъся я съ Гишландомъ, которой десять лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, отправляя должность Совѣтника при Гишландскомъ Посольствѣ, и которой, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить свое отечество; зиму проводитъ онъ въ Ліонѣ, а лѣто въ Швейцаріи. — Баронъ де-Лю, Лафаперовъ пріятель, познакомилъ меня съ Гопскими моло-дыми Принцами, которые учатся здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхо-жденію*. Я у нихъ обѣдалъ; меньшой го-раздо живѣе и остроумнѣе большаго, Наслѣдника высокаго Гопского трона. Вы наслышались о Баронѣ Г*: я улыб-нулся, вспомня, что имѣю честь сидѣть подлѣ его будущаго повелителя, ко-торой можетъ безъ вся-^{ко}каго суда — отъ че-го Боже сохрани! — снять съ него шля-пу и — голову. — Вчера позвалъ меня ужинать Г. Конклеръ. Я пришелъ въ девять часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще

иегомовъ былъ принимать гостей, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хозяйка, и по томъ начали сбираясь гости. Между прочими былъ пушъ одинъ глухой Баронъ, надъ которыемъ Женевскія дамы весьма забавлялись. Онъ загадывали ему загадки; Баронъ брался всѣ отгадывать, но къ нещастію не отгадалъ ни одной. На примѣръ: *Для тего Генрикѣ IV, срагѣ всякой пышности, имѣлъ золотыя шпоры?* Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ отвѣчалъ, но все не въ попадѣ. Наконецъ вывели его изъ недоумѣнія, сказавъ: *pour piquer son cheval* (чтобы колоть свою лошадь). *О! я это думалъ!* закричалъ Баронъ! *c'est tout clair!* ничего не можетъ быть яснѣе! — Еще: *Сто находится au milieu de Paris* (въ серединѣ Парижа)? Баронъ, которой NB. недавно прѣхалъ изъ Парижа, отвѣчалъ: *городъ — люди — камни — грязь.* Надѣ каждымъ отвѣтомъ смѣялись, и наконецъ объявили, что *au milieu de Paris* находится г. Я только лишь хотѣлъ

этото

это сказать! закричалъ Баронъ, и
всѣ захочотали. Хозяйка, которая
почишаєтсѧ одною изъ разумнѣй-
шихъ женщинъ Женевской Республики,
разспрашивала меня о Московск-
скихъ дамахъ. Вопросъ: *Хороши ли онѣ?*
Отвѣтъ: *Прекрасны.* Вопросъ: *Умны
ли онѣ?* Отвѣтъ: *Безпримѣрно.* Во-
просъ: *Сотиняютъ ли онѣ стихи?*
Отвѣтъ: *Безподобные.* Вопросъ: *Ка-
кого рода?* Отвѣтъ: *Молитвы. Vous
badinez, Monsieur!* Вы шутите! —
„Извините, сударыня: я говорю поч-
ную правду. „ — *Да разѣ онѣ отень
много грѣшатъ?* —,, Нѣтъ, сударыня;
онѣ молятся о томъ, чтобы не грѣ-
шились. „ — А! это другое дѣло! —
Госпожа Конклеръ подала мнѣ руку,
и мы пошли ужинать. —

Въ полночь. Нынѣ ввечеру чув-
ствовалъ я въ душѣ своей великую
тягость и скуку; каждая мысль, ко-
торая приходила ко мнѣ въ голову,
давила мозгъ мой; мнѣ не лов-
ко было ни споясть, ни ходить.
Я пошелъ въ бастіонъ, здѣшнее гуль-

бище — легъ на углу вала, и даль
глазамъ своимъ волю перебѣгать отъ
предмета къ предмету. Мало пома-
лу голова моя облегчалась вмѣстѣ съ
моимъ сердцемъ. Вечеръ былъ самой
теплой и пріятной. На обѣихъ спо-
ронахъ представлялись мнѣ горы,
окруженныя облаками, которыя носи-
лись выше и ниже ихъ вершинъ: видъ
величественной и грозной! Прямо передо
мною проспиралась большая равни-
на, усѣянная рощицами, деревеньками
и уединенными домиками. Все было
тихо. Отъ времени до времени —
по большой дорогѣ, идущей вдоль рав-
нины — мчались въ коляскахъ моло-
дые Англичане, которые, боясь слѣд-
ствія скопляющихся облаковъ, погоня-
ли кургузыхъ коней своихъ, чтобы
скорѣе возвратиться въ городъ. Вѣте-
рокъ какъ птичка прилепѣлъ отъ
Юры и шепталъ мнѣ на ухо — не
знаю, что. Тутъ вдругъ ударили въ
барабанъ. Боясь, чтобы меня не за-
перли въ бастіонѣ, я вскочилъ и вы-
шелъ оттуда; но не желая разспашь-

ся съ вечеромъ, пошелъ на Грель, другое гульбище подъ Рашуши, и сѣлъ на лавкѣ подъ ореховыми деревьями, гдѣ представились мнѣ тѣ же виды, которыми веселился я въ басіонѣ. Темнота сгущалась; вѣтеръ усиливался, и шумъ ужасно между деревами; облака неслись быстро, настекли на городъ, и пошелъ дождь. Обративъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, которые въ темнотѣ представляли романическое зрелище. Мнѣ казалось, что я вижу тамъ замки благодѣтельныхъ Фей — и всѣ сказки, кошорыя воспаляли младенческое мое воображеніе, и дѣлали меня въ ребячествѣ маленькимъ Донъ-Кишотомъ, ожили въ моей памяти. Между прочими тогдашними подвигами моими вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачной и бурной, въ которой, почувствую вдохновеніе божественныхъ Фей, укрался я отъ своего, впрочемъ весьма бдительного дядьки, забрался въ шу горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрытыя

почтеною ржавчиною — схватилъ саблю, копорая пришлась мнѣ по руки, и запнувъ ее за кушакъ тулупа своего, отправился на гумно (*) искаль приключений, и прошибиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя въ себѣ умноженіе страха по мѣрѣ удаленія моего отъ дому, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху, и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ. Ахъ па младенчества! кто помышляєшъ объ васъ безъ удовольствія? И чѣмъ спарѣе мы становимся, тѣмъ пріятнѣе вы намъ кажетесь.

(Продолженіе впередъ.)

(*) Я жилъ тогда въ деревнѣ.

VIII.

КЪ ПОРТРЕТУ

Покойнаго Князя Михайла Никитита
Волконскаго.

Князь Михайло Никипичъ Волконской, усердный слуга нашея Государыни, доброжелатель отечества, искусный и храбрый полководецъ, разсмотрительный судія, любишель учености, знатокъ въ отечественной Истории, дружелюбивъ, врагъ пышности и тщеславія. Любимое Его слово было: *il vaut mieux être que paroitre*, которое Онъ произносилъ весьма часто. Также нерѣдко говоривалъ: *irren ist menschlich, verharren ist teufelisch*. Первое показываетъ Его почтеніе къ неприкрашенной добродѣтели; второе ненадменность и снисходительность, свойства любомудрія, почерпаемыя въ глубокомъ познаніи сердца человѣческаго. Родился въ 1712, преставился 1739 года.

И. Т.

IX.

РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ.

(Изъ записокъ одного молодаго Россійнина.)

1. Переспашье, друзья мои, жаловавшися на рѣдкость и непостоянство щастія! Сколько людей живетъ на земномъ шарѣ! а оно у каждого должно побывать въ гостяхъ — Монпескій говорить, одинъ разъ, а я говорю, нѣсколько: — какъ же вы хотимъ, чтобы оно отъ васъ никогда не отходило? — Что принадлежитъ до меня, то я благодарю щастіе за визиты его; спараюсь ими пользоваться, и ожидаю ихъ безъ неперѣнія. Иногда оно посѣщаетъ меня въ уединеніи, въ тихихъ кабинетахъ Напуры; или въ сообществѣ друга, или въ бесѣдѣ съ лучшими изъ смертныхъ, давно и недавно жившихъ; или въ то время, когда я бѣдной нахожу средство облегчить бѣдность моего ближняго.

2. Какъ можетъ существовать душа по разрушении тѣла, не знаемъ; слѣдственно не знаемъ и того, какъ она можетъ мучиться и блаженствовавшъ. Говоряще — и самъ Руссо говоритъ — что блаженство или мученіе души будеТЬ сопостоять въ воспоминаніи прошедшей жизни, добродѣтельной или порочнай; но то, что со-ставляестъ добродѣтель и порокъ въ здѣшнемъ мірѣ, едва ли покажется важною добродѣшелю и важнымъ порокъ тому, кто выдѣлъ изъ связи съ онымъ. — Описывать настѣнными, легкими, лепающими изъ міра въ мірѣ, (за чѣмъ, *s'il vous plaît?*) одаренными шестью чувствами (для чего не миллионами чувствъ?), если — говоришь, не зная что.

3. Думающе, что испортю ужасныхъ злодѣяній надобно скрывать отъ людей; и пошому въ нѣкоторыхъ земляхъ процессы злодѣевъ сожигаютъ при ихъ казни: но кто такъ думаетъ, тотъ не знаетъ сердца человѣческаго. Злодѣй не сдѣлался бы злодѣемъ, еспѣ-

еспѣли бы онъ зналъ начало и конецъ злого пути, всѣ примѣты сердечнаго развращенія, всѣ постепенности онаго, разрожденіе пороковъ и ужасную пропасть, въ которую они влекутъ преступника. Содрогается душа наша при видѣ злодѣйствъ или картины оныхъ; тогда мы чувствуемъ живѣвшее отвращеніе отъ зла, и бываемъ отъ него далѣе, нежели въ другое время.

4. „Я почталь и любилъ Руссо, „отъ всего моего сердца,, (сказалъ мнѣ Баронъ Баельвицъ) — „влюбленъ „былъ въ Элоизу, съ благоговѣніемъ „смотрѣлъ на Кларанъ, на Мельери „и Женевское озеро; но его Confes- „sions прохладили жаръ мой, и я пере- „сталъ почтать Руссо., — А я N. N., смотрѣвший на Кларанъ хотѣлъ и не съ благоговѣніемъ, но по крайней мѣрѣ съ тихимъ чувствомъ удовольствия, прочитавъ Confessions, полюбилъ Руссо болѣе, нежели когданибудь. Кто многоразличными опытами увѣрился, что человѣкъ всегда человѣкъ; что мы имѣемъ только по-

и яшіе о совершенствѣ, и оспаємся всегда несовершенными, — въ глазахъ того наимпрогательнейшая любезность въ человѣкѣ есть мужественная, благородная искренность, съ которой говоритъ онъ: я слабъ! (то есть, я теловѣкъ!) Но кто имѣетъ надушия понятія о добродѣтели, о мудрости человѣческой, то пѣ обыкновенно презираетъ сего искренняго мужа.

5. Свободность, легкость, пропота, означаютътвореніе великаго Духа и матери его Натурь.

6. Какой - то Беллемеръ пишетъ, что въ Россїи женщины (благородныя и неблагородныя) начинаютъ увядать въ двадцать лѣтъ, и сю плѣниость красоты приписываетъ употребленію водки и дѣйствію бани. Нѣмы чипають, и вѣряютъ. Докторъ Медицыны издастъ книгу: *Доказательство a posteriori, что употребление водки и бани среды для красоты.* Сколько подобныхъ заблужденій и въ философскихъ системахъ!

7. Ешьли бы желѣзныя стѣны, опредѣляющія засмертіе отъ предсмертия,

тия, хотя на минуту превратились для меня въ прозрачной флеръ, и глаза мои могли бы увидѣть, что съ нами дѣлается тамъ, тамъ: что я охотно бы согласился разстаться навсегда съ Кацпами, Гердерами, Бончешами. Все, что о будущей жизни сказали наши Философы, есть чаяніе; потому что они писали *до смерти* своей, слѣдственно еще не знал того, что ожидаетъ насъ за гробомъ. Всѣ же извѣстія, которыя выдаются за газеты *того свѣта* (*), суть къ сожалѣнію — газеты (то есть басни)!

8. Мысль о смерти была бы для меня не споль ужасна, если бы отъ меня зависѣло опредѣлить всѣ обстоятельства конца моего. Я хотѣлъ бы умереть въ любезнѣйшее для меня время года, весною, когда цветы и зелень бываютъ одеждой Природы Сибо мнѣкажется, что въ сїе время всякое движеніе, всякое дѣйствіе въ Природѣ, должно быть крошко, и нѣжно, и

Д 3

пи-

(*) На прим. Шведенбурговы минимы опровергніи.

тихо); хотѣлъ бы, чтобы глаза мои закрылъ потѣмъ человѣкъ, которой для меня всѣхъ любезнѣе, и чтобы смерть мою возвѣстилъ не грубой голосъ какого нибудь Левиша, а голосъ любезнаго соловья — хотѣлъ бы, чтобы въ гробъ бережно положили меня тѣ люди, которыхъ спокойствіе берегъ я въ жизни своей; чтобы прахъ мой погребли подлѣ дороги, и чтобы сіе мѣсто, обсаженное цвѣтами благовонными и вѣчнозелеными деревами, не ужасало прохожихъ — хотѣлъ бы, чтобы на бѣломъ камнѣ, которой покроемъ могилу мою, вырѣзали сїи слова: *Друзья! не бойтесь смерти! она есть восхитительной сонѣ;* хотѣлъ бы наконецъ, чтобы надпись сїя — была для всѣхъ справедлива.

9. Человѣческая нашуря такова, что испинную прѣятность можетъ намъ доспавлять одно полезное, или то, что улучшаетъ физическое или духовное бытіе человѣка — что способствуетъ къ нашему сохраненію. Все въ нашей машинѣ служитъ къ че-
му

иу цибудь: такимъ образомъ и всѣ на-
слажденія наши должны служить къ
чemu нибудь. Верхъ удовольствія
есть предѣлъ пользы; далѣе нѣпъ уже
цѣли — начинается *не - для - тего*,
вредъ, порокъ.

10. На систему нашихъ мыслей
весыма сильно дѣйствуетъ обѣдъ. Тотъ-
часъ послѣ спола человѣкъ мыслишъ
не такъ, какъ передъ обѣдомъ. Пусть
Позѣ писанное имъ въ восемь часовъ
упра прочтешъ въ три часа по по-
лудни, еслили онъ НВ. въ два часа упо-
ляетъ свой голодъ! Я увѣренъ, что
многое, казавшееся ему прекраснымъ
въ упренномъ воспоргѣ сочиненія,
покажется ему тогда — галиматью.
Вообще съ наполненнымъ желудкомъ
не жалуемъ мы высокаго паренія мыслей,
или не находимъ въ ономъ вкуса, а
философствуемъ по большой части
какъ Скептики. Тогда не надобно го-
ворить намъ о смѣлыхъ предпріяті-
яхъ; мы вѣрио откажемся. — Каждое
время года и всякая погода даєтъ осо-
бливой оборотъ нашииъ мыслимъ.

и. Еспъли бы я былъ спаршимъ братомъ всѣхъ братьевъ сочеловѣковъ моихъ, и еспъли бы они послушались спаршаго браша своего, то я созвалъ бы ихъ всѣхъ въ одно мѣсто, на какой нибудь большой равнинѣ, которая найдется можетъ быть въ новѣйшемъ свѣтѣ, — спалъ бы самъ на какомъ нибудь высокомъ холмѣ, откуда бы могъ обнять взоромъ своимъ всѣ миллионы, билліоны, трилліоны моихъ разнородныхъ и разноцвѣтныхъ родственниковъ — спалъ бы и сказалъ имъ — шакимъ голосомъ, которой бы глубоко отозвался въ сердцахъ ихъ — сказалъ бы имъ: *братья!* ... Тутъ слезы рѣкою быстрою полились бы изъ глазъ моихъ; перервался бы голосъ мой, но краснорѣчіе слезъ моихъ размягчило бы сердца и Гуроновъ и Лапландцевъ ... *Братья!* повторилъ бы я съ сильнѣйшимъ движениемъ души моей: *братья!* обнимите другъ друга съ пламеною, тистѣйшую любовью, которую небесный Отецъ нашъ, творецъ и мѣстомъ Своимъ,

сложилъ въ чувствительную грудь сыновъ своихъ; обнимите, и нѣжнѣйшимъ лобзаніемъ заключите священный союзъ есемїраго дружества! — и когда бы обнялись они; когда бы клики дружелюбія загремѣли въ неизмѣримыхъ пропастиахъ воздуха; когда бы жищель Опагити прижался къ сердцу обишателя Галліи, и дикой Американецъ, забывъ все прошедшее, назвалъ бы Гишпанца милымъ своимъ родственникомъ; когда бы всѣ народы земные погрузились въ сладоспное, глубокое чувство любви: тогда бы упалъ я на колѣна, воздѣль къ небу руки свои, и воскликнулъ: Господи! нынѣ отпущаши сына твоего съ миромъ! Сія минута вожделѣніе стольній — я не могу перенести восторга своего — пріими духъ мой — я умираю! — и смерть моя была бы щастливѣе жизни Ангеловъ. — — Мечта!

Х.

ЖИЗНЬ КЛОПШТОКА (*).

Онъ родился 2 Іюля 1724 года въ Кведлинбургѣ. Отецъ его былъ памъ Совѣтникомъ Комиссіи, но послѣ нанялъ себѣ помѣстье, называемое Фридебургъ; оригиналъный человѣкъ, въ высокой степени добросердечный, исполненный благородной гордости и твердый въ своихъ намѣренїяхъ. Къ спрашивающимъ его принадлежитъ то, что онъ всею душею вѣрилъ предчувствіемъ, и самъ имѣлъ оныя; также не рѣдко сражался по ночамъ и съ Дьяволомъ, кошорой, по его словамъ, въ тѣлесномъ видѣ ему являлся. Отъ этого ли, что одна душа содержитъ уже въ себѣ основаніе другой души (говоритъ Крамеръ, молодой Клопштоковъ другъ), или разговоры и обхожденіе имѣютъ сю силу: по крайней мѣрѣ сынъ наследовалъ въ характерѣ многія примѣчательныя черты отца
своихъ.

(*) Nach Meisters Characteristik.

своего. Воспитаніе молодаго Клопшпока было самое свободное и не педантическое, и могло образовать какъ душу, такъ и тѣло. Въ геройскихъ играхъ дѣствава прожилъ онъ златое время юности въ деревнѣ, гдѣ сообщили ему и начальное знаніе въ языкахъ. Между товарищами своими былъ онъ какъ въ ученыи, такъ и въ бѣганьи первой. Опѣцъ возвратился въ Кведлинбургъ, и молодой Клопшпокъ началъ ходить въ памошнюю Гимназію, на тринацдцатомъ году своего возраспа. Школьное принужденіе часпо заставляло его жалѣть о деревенской свободѣ. Хотя онъ мало заботился о первенствѣ между своими соучениками, однако жъ его опмѣняли отъ прочихъ; а сїе заставило его приложно заниматься Лапинскимъ и Греческимъ языками.

Способность къ Поэзїи весьма рано въ немъ обнаружилась, а особенно къ Эпической. Онъ сочинялъ также и разныя Идилліи, и лучше другихъ писалъ Греческіе и Лапинскіе стихи.

Уже

Уже въ сихъ юныхъ лѣтахъ думалъ онъ о разныхъ предметахъ для Эпоси; однимъ изъ оныхъ былъ Генрихъ I., Императоръ; онъ избиралъ, оспавлялъ, выбиралъ снова, и тогда еще думалъ писать Мессіаду, совсѣмъ не зная Мильшона. Когда же по томъ доспалъ Нѣмецкой переводѣ сего Позпа, то полюбилъ его отмѣнно, Ректоръ, вида, что онъ слишкомъ много занимается Мильшономъ, запретилъ сю книгу. Клопштокъ не только продолжалъ читать ее, но имѣлъ еще смѣлость хвалить Мильшона въ публичной рѣчи своей.

Въ школѣ сочинилъ онъ между прочимъ рѣчь на Страстную пятницу въ Нѣмецкихъ шестисотиныхъ Ямбахъ, причемъ Ректоръ, противъ обыкновенія, оставилъ ему самому выбрать содер-жаніе. Сказываюшъ, что въ сихъ сти-хахъ было уже много отмѣнного. Весьма достойна примѣчанія и та рѣчь, которую произнесъ онъ 21 Сентябрь 1745, оставляя школу. Съ огненнымъ энтузіазмомъ говорилъ онъ въ ней о

достоинствъ Поэзіи, жрицы Божества и учительницы человѣчества; чрезвычайныя и обширныя знанія соединены въ оной съ высочайшими чувствами.

Въ 1476 году прѣхалъ онъ въ Ену и посвятилъ себя Богословіи, но по большой части учился самъ собою. Въ сїе время, въ пишинѣ, сочинилъ онъ, по обдуманному имъ плану, первыя при пѣсни Мессіи, и сперва произою, не для того, чтобы послѣ переложить въ стихи, но для того, что ему не нравились тогдашніе обыкновенные роды Нѣмецкихъ стихотвореній. Шестистопные Ямбы казались ему несносно единообразными и утомительными, Трохеи промяжными; а для чистыхъ пятистопныхъ Ямбовъ находилъ онъ Нѣмецкой языкъ неспособнымъ. Иногда въ уединенныхъ прогулкахъ своихъ съ прискорбiemъ помышлялъ онъ о томъ, что не выработанный отечественный языкъ его не позволяетъ ему въ разсужденіи гармоніи сравняться съ Гомеромъ и Виргилемъ. Вдругъ пришло ему на мысль:

мысль: *надобно испытать*. Онъ сѣлъ — эзыть удалось, и черезъ нѣсколько часовъ написана была спраница Гексаметровъ (*). Тутъ рѣшился онъ писать все въ Гексаметрахъ, сдѣлался у насъ изобрѣтателемъ сего рода сшиховъ, и доказалъ изящность его примѣромъ и причинами.

Въ 1746 году приѣхалъ онъ въ Лейпцигъ. Туда привлекъ его Шмитъ, съ которыми онъ и жилъ въ одной комнѣ, занимаясь въ пишнѣ сочиненіемъ своей Поэмы. Никто кромѣ Шмита не зналъ о семъ труде.

Въ Саксоніи и въ Швейцаріи началось тогда исправленіе языка и вкуса. Все пришло въ смятеніе. Ученая вой-

(*) Здѣсь за нужное почишаю замѣтиль, что Гексаметрами называются собственно Греческіе и Латинскіе шестистопные стихи, то есть тѣ, которые состоятъ изъ смѣшанія Дацитій съ Трохеями или Спондеями. Шестистопные Ямбы называются Александрийскими. —

война между Лейпцигскимъ Готшедомъ и Цирихскимъ Бодмеромъ раздѣлила всѣхъ Писателей на двѣ партии, ко- торыя сражались между собою съ величайшимъ жаромъ. Лейпцигъ, гдѣ собиралось всегда множество молодыхъ людей, былъ наиболѣе театромъ сей войны. Въ сей части Германіи Готшедъ имѣлъ почти Дикта- торскую власть, какъ Философъ и Филологъ; но въ Цирихѣ его совсѣмъ не уважали. Лучшіе изъ его учениковъ наконецъ отспали отъ него, и составили особливое общество, ко- торое выдавало Бремской Журналъ. Сначала Клопштокъ не участвовалъ въ ономъ. Шмитъ, въ присуществіи своего друга, прочиталъ нѣсколько страницъ Мессіады одному изъ сочи- нителей сего Журнала, а именно Крамеру. Сей въ радости сердца сво- его возвѣстилъ вновь восходящую звѣ- зду, и Клопштока торжественно при-拿了ъ въ общество. Въ 1747 году уча- ствовалъ онъ въ трудахъ онаго, и со-чинялъ, кромѣ Мессіады, первые свои

лирическіе стихи, творенія превосходныя, оригинальныя и въ пареніи мыслей безпримѣрныя (*). Въ 1748 году вышли въ свѣтъ первыя пѣсни его божественной Поэмы, Мессіи. Но сколь мало еще приготовлена была нація къ сему явленію! Сіе видно изъ письма достойнаго и просвѣщенаго друга его, Гершнера. „Въ семъ то-
,, мъ (пишетъ онъ къ Бодмеру) помѣ-
,, стимъ мы первую книгу большой
„Эпической Поэмы. Я имѣю честь
„сообщить вамъ при семъ нѣчто изъ
„второй книги. Сіе мѣсто покажетъ
„вамъ слогъ и способности Сочини-
„теля. Вы весьма обяжете меня и
„сотрудниковъ моихъ, ешьли искрен-
„но скажете намъ, что о томъ ду-
„маете. Мы и первую книгу нечаша-
„емъ для того только, чтобы у-
знатъ

(*) Сіе высокое пареніе мыслей, вмѣстѣ съ жаркимъ, паяющимъ чувствомъ, составляющъ душу лирической Поэзіи. У насъ по большей части ищутъ въ Одахъ пустаго грома словъ, — ищутъ, и находятъ. — К.

„знать мнѣніе знатоковъ. „ — Черезъ
два года послѣ того и Рабенеръ
писалъ къ Бодмеру слѣдующее:
„Я горжусь симъ другомъ (Клоп-
шшокомъ). Сперва казался онъ мнѣ
только любезнымъ; но громкая по-
хвала знатоковъ вселяетъ и въ меня
почтеніе къ его дарованіямъ, когда
изъ моей прозаической глубины смо-
трю я на ту высоту, на которую
вознесли Клопшюка доброе сердце
его, умъ, друзья и благодѣтели. „
— Какъ скромно думалъ Клопшюко
самомъ себѣ, и какъ мало еще чув-
ствовалъ онъ высокую цѣну свою,
доказывающія слѣдующія спрости, пи-
санныя имъ къ Бодмеру отъ 21 Сент.
1748: „ Я никогда не думалъ бы пис-
ти лирическимъ Поэтомъ, однако жъ на-
писалъ нѣсколько Одѣ. Это бы еще
могло быть прощить, если бы
мы не знали твореній нашего Лан-
ге (*). „ — Къ чести Бодмера слу-
житъ

Состъ. VI.

E

житъ

(*) Хотя Ланге не можетъ ни съ какой стороны сравняться съ Клопшю-
комъ,

житъ то, что онъ первой почувѣ
спвовалъ все величіе Клошшокова
духа. Вотъ что писалъ онъ къ Лан-
ге: „Изъявилъ ли я вамъ удивленіе
„мое въ разсужденіи Эпической По.
„эмы одного молодаго Лейпцигскаго
„жителя? Я читалъ впору книгу
„оной. Духъ Мильпоновъ живетъ въ
„сочинителъ. „Въ другомъ письмѣ
товоришъ Бодмеръ: „Знаешъ ли вы,
„какъ Небо прославляеть Нѣмецкую
„Музу? Она должна произвести Эпи-
„ческую Поэму во вкусѣ Потерян-
„наго Рая, и образовать Поэта, кото-
„рой въ паренїи сравнишся съ Миль-
„тономъ. Онъ воспоетъ важнѣйшее
„изъ дѣйствій — искуплѣніе. Герои его
„будутъ величайшіе изъ небесныхъ,
„адскихъ и земныхъ Героевъ. Чело-
„вѣчество представится въ такомъ
„достиженіи, которое оправдаетъ
„причину творенія; возвыситъ душу
„читателя и приблизитъ ее къ
„Богу.

комъ, однако жъ Оды его имѣютъ не-
которую цѣну. — К.

„Богу. Уже настало время; въ которое
„все сіе должно совершиться. Уже сей
„великой Духъ во плоти явился, и
„началъ важнос дѣло свое. Я могъ бы
„сказать вамъ имя его, которое тѣ-
„перь сполъ еще неизвѣстно и сполъ
„трудно въ произношени, но кото-
„рое въ позднѣйшемъ попомствѣ гре-
„мѣть будемъ; я могъ бы вамъ на-
„именовать то неважное мѣсто, гдѣ
„онъ, будучи неизвѣстенъ ни знат-
„нымъ, ни щастливымъ, ни народу,
„думаетъ о спихахъ такого содер-
„жанія, которое выше знамныхъ;
„щастливыхъ и народа.,,

— И съ какою чувствительно-
стью Клопштокъ благодарилъ всегда
Водмера за его ободренія! Всѣ пись-
ма, писанныя имъ къ сему послѣдне-
му, изъявляютъ его признательность.

Всеобщее одобреніе, съ кото-
рымъ приняли первыя три пѣсни Мес-
сіады, долженствовало побудить Со-
чинителѧ къ продолженію. Не безъ
труда согласился онъ выдать недо-
конченную свою Позму; но сіе ран-

нее явлеиe, года чеpезъ два, подало Берншторфу случай узнать Авгора и доставить ему средство къ продолженюю работы.

Часть 1748 года пробылъ онъ еще въ Лейпцигѣ. Сей городъ былъ уже для него не споль пріятенъ, потому что всѣ друзья его въ разныя стороны разъѣхались. Тогда написалъ онъ трогательную Элегію къ Эбершу, уѣхалъ въ Лангензальцъ, и въ домъ родственника своего Вейсе взялъ на себя надзираніе надъ дѣтьми его. Свойственница его, сеспра Шмитова, славная и прекрасная Фанни, лѣвица умная и просвѣщенная, давно уже имѣвшая съ нимъ переписку, плѣнила сего божественнаго Поэта, которой съ гордостью помышлялъ о златыхъ дняхъ будущей своей жизни, находился уже на прагѣ великой славы своей, и пытаясь чувствомъ небесной меланхоліи и духовнаго патетизма, устремлялъ взоръ свой въ вѣчность. Клонштокъ увидѣлъ Фанни, и *ut vidit, regit* (*)! Ей отдалъ онъ все свое сердце,

оп-

(*) Увидѣлъ, и иогибъ.

открытое , новое сердце — и въ нѣж-
ныхъ , любовныхъ пѣсняхъ звалъ ее
соединиться съ нимъ въчнымъ союзомъ .
Оды и Элегіи его чрезъ многіе вѣки
будутъ восхищать всякую чувстви-
тельную душу . Что принадлежитъ до
Фанни , то она хотя и не имѣла къ
нему ненависти , однако жь была въ
нерѣшимости , хотѣла и опять не хо-
тѣла . Клонштокъ рѣшился оставить
ее ; но могъ ли онъ пропившися
гіацинтомъ , которые она прислала къ
нему съ дружескимъ привѣтствіемъ ?
Въ сердцѣ его былъ всегдашній при-
ливъ и опливъ надежды , въ теченіе ее-
го и слѣдующаго года . Хотя Фанни все
еще держала его въ пріятныхъ цѣпяхъ
любви , однако жь онъ были уже не
столь крѣпки . Спихи , сочиненные
имъ въ 1749 году , дышатъ уже ка-
кимъ - то радостнѣйшимъ , свободнѣй-
шимъ духомъ . Онъ началъ болѣе за-
ниматься происходившимъ вокругъ него ,
и по временамъ чувствовалъ въ себѣ
 побужденіе пѣть такія пѣсни , какія
пѣлъ Гагедорнъ , — пѣсни о шайномъ

подѣлуъ, о распущенныx русыхъ во-
лосахъ, о рѣвой красавицѣ, огнен-
ной и быстрой въ веселой плясѣ.
Здѣсь тайные извѣстія перающія во
мракѣ догадокъ. — Въ сіе время со-
чинилъ онъ военную пѣснь свою *Ген-
рикъ Императоръ*, и въ веселой часѣ
самъ ее пародировалъ. Лрафашеръ въ
журналѣ своемъ вмѣняетъ ему такія
шутки въ грѣхъ. *Беловѣтская жизнь*
— сказалъ Клопштокъ младшему Кра-
меру, когда они говорили о сей Ла-
фашеровой книгѣ — *беловѣтская жизнь*
обременена столь многими и столь
трудными должностями, что я не
могу сносить тѣхъ людей, которые
*отяггаютъ ее сверхъ того еще мни-*мыми обязанностями.**

Чѣмъ болѣе разсѣянія находилъ
Клопштокъ въ свѣтѣ, тѣмъ менѣе чув-
ствовалъ онъ силу Фанниныхъ прелес-
тей. Спрасть подобно рѣкѣ перает-
ся, какъ скоро дѣлился на раз-
ные потоки; какъ скоро она устрѣ-
млена будеТЬ не на одинъ предметъ
(которой сопоставляестъ для нее все-
лес-

денную, и съ которыми все для нее исчезаетъ), но распространится на цѣлой родѣ или полѣ. Не льзя безъ удивленія помыслить о тѣхъ различныхъ видахъ, которые принимаетъ на себя одна склонность, превращаясь по видимому совсѣмъ въ другую. Сколь отлична любовь Сибариша, на розахъ жизни свою просыпающаго, отъ любви Рыцаря, которой за одинъ подѣлъ сражается съ волшебниками и великими цѣлаго мїра! Любовь, щастливая или нещасная, низвергаетъ одного въ Оркусъ, а другаго возноситъ къ житељамъ Олимпа.

Кlopштока Пoэма, *Орелъ или превращеніe*, есть чувство выздоровленія, чувство такого человѣка, который хочетъ ободриться, и ободряется. Можетъ быть не одна жестокость со спороны нечувствительной Фанни, но отчасти и великая дѣятельность, въ которую душа его приведена была громкою славою Мессіады, произвела сюю перемѣну. Сія слава, награждая его за нещасную любовь,

подала ему и случай удалившись отъ такого мѣста, гдѣ споль многія горестныя чувства волновали его душу.

Теперь мы уже почти забыли, и только одни знапоки Литтературы помнятъ, съ какимъ восхищеніемъ, съ какимъ упоеніемъ чувства приняли въ Германіи сїе первое, великое, высочайшее произведеніе отечественной и общей Поэзїи; но дѣйствіе онаго чувствуемъ и понынѣ — потомки наши также будутъ чувствовать. —,, Языка вашего не поймутъ въ Германіи,, — сказалъ Базедовъ Клопштоку, когда сей прочиталъ ему пѣснь своей Мессіады. Пусть же Германія ему научится! опровергалъ Клопштокъ, и слѣдствіе доказало, что сей опровергъ былъ не хвастовство. Всякой, кто умелъ писать, писалъ о Мессіадѣ. Теоретики спорили, испытывали, изясняли темное. Мееръ, Гесъ и другое раздробляли; самъ Лессингъ судилъ и опровергалъ справедливость; а Готшедь со всемъ Лернейскимъ родомъ, давно уже забытымъ, изливалъ ядъ и желчь.

Всякой смилью Духъ, которой съ самонадежносю входитъ въ храмъ Изящнаго новымъ пупнемъ, имѣетъ обыкновенно множесство подражателей; такъ и за Клопштокомъ многіе хотѣли туда пробраться — но тщетно! онъ вошелъ въ ворота, и захлопнулъ ихъ за собою.

Клопштока слава, гремѣвшая въ Швейцаріи болѣе, нежели гдѣ нибудь (такъ какъ вообще южная часть Германіи имѣетъ болѣе чувства, нежели сѣверная), во многихъ возбудила тамъ желаніе видѣть его. Бодмеръ писалъ къ нему отъ собственнаго своего и друзей своихъ имени, и предложилъ ему домъ свой. Клопштокъ согласился, и поѣхалъ туда вмѣстѣ съ Сульцеромъ. Тамъ сочинилъ онъ двѣ славные свои Оды: одну къ Бодмеру, а другую на Цирихское озеро.

Бодмеръ и другіе Цирихскіе жители, изъ коихъ нѣкошорые сдѣлались послѣ извѣспными Авторами, приняли его съ распроспертыми руками. Число знакомыхъ его ежедневно умно-

жалось. Между прочими узналъ онъ Гирцеля (*) и Геснера; последний былъ тогда проспымъ любителемъ искусства, и никто еще не примѣчалъ въ немъ великихъ дарованій. Такимъ образомъ въ забавахъ и весельяхъ прожилъ Клопштокъ около десяти мѣсяцевъ въ Цирихѣ. Однако жъ онъ часто съ пріятелями своимиѣездилъ и въ другіе Канттоны. Неиспорченная, Нѣмецкая проспота нравовъ пышала высокую простиоту души его. Въ Цирихѣ хотѣли его удержать на всегда; хотѣли жениить на бѣгатой девицѣ; обѣщали ему право гражданина — и едва, едва было онъ не сдѣлался Цирихскимъ жителемъ. Искреннее почтеніе, которое оказывали ему лучшіе люди, и живой энтузіазмъ къ изящному и великому, пылающій въ сынахъ Гельвеціи, еще болѣе воспалили жажду его къ испинной славѣ. Намъ не известно, въ какомъ расположе-

ло-

(*) Славной Докторъ, сочинитель Сульцеровой жизни и Сельского Сократа.

доженіи было тогда сердце его въ раз-
сужденіи Фанни; но въ прекраснѣй-
шей Одѣгѣ своей, въ которой описана
его веселая прогулка по Цирихскому
озеру, упоминаетъ онъ обѣ ней съ
довольною нѣжностю. Чтобы забыть
сердечную шоску свою, вдался онъ
съ молодыми друзьями своими во всѣ
возможныя разсѣянія. Важной, почтен-
ной Бодмеръ не безъ прискорбія ви-
дѣлъ божественнаго Пѣвца Мессіады
увѣнчаннаго плющемъ Вакховымъ и вѣн-
ками Аморинъ и Грацій. Онъ не зналъ,
что сіи разсѣянія нужны были для
того, чтобы ослабить въ Клопштокѣ
чувство нещастной любви, и приглу-
шить его къ сильнѣйшимъ впечат-
леніямъ, сдѣланнымъ въ сердцѣ его,
черезъ годъ по томъ, красою Мес-
ты.

Въ сіе лѣто и наружныя обсто-
ятельства его весьма выгодно пере-
мѣнились. Не имѣя никакихъ дохо-
довъ, хотѣлъ-было онъ взять на се-
бя должность при училищѣ въ Браун-
швейгѣ, гдѣ были друзья его Эбертъ,
Герш-

Герпнеръ и Цахарія. Тогда бы Клопштокъ, посвятивъ себя учености, могъ забыть Поэзію, или последняя заставила бы его отказатьсь отъ первой; ибо онъ не могъ дѣлиться, и выбиралъ всегда что нибудь одно. Въсё время Гений Германіи возбудилъ Берншторфа, сего великаго, мыслящаго мужа, которой по самому началу Клопштока сочиненія предвидѣлъ все будущее его величіе. Первыя при пѣсни Мессіады читалъ онъ еще въ Парижѣ, будучи тамъ Датскимъ Посланникомъ, и какъ скоро возвратился въ Копенгагенъ, то, зная Клопштоковы обстоятельства, просилъ объ немъ Гофмаршала Молтке, для котораго Фридрикъ V все могъ сдѣлать. Тогда сїи Министры позвали Клопштока въ Данію, обѣщаю ему пристойное жалованье, такъ чтобы онъ не имѣлъ никакихъ заботъ въ разсужденіи жизни, и могъ бы весь свой досугъ опредѣлить на священное пѣснопѣніе. И такъ Король доспойнъ былъ той Оды, которою Поэтъ посвятилъ ему Мессіаду.

Ве-

Весною въ 1751 году поѣхалъ Клоштокъ въ Данію, и въ Гамбургъ познакомился съ Мепою. Онъ началъ съ нею переписку, и связь съ Фанни разорвалась совершенно. Берншторфъ принялъ его какъ друга; но Поэтъ любилъ тишину, удалялся отъ Двора и совершенно посвятилъ себя Поэзіи своей. Надобно думать, что въ сїе время онъ читалъ Йонга и Ричардсона, и напишалъ ими душу свою. Съ первымъ вошелъ онъ даже и въ переписку, и сочинилъ къ нему Оду.

Но обратимся къ Мепѣ. Онъ познакомился съ нею въ Гамбургѣ чрезъ пріятели своего Гизеке, и живя въ Копенгагенѣ, писалъ къ ней каждую почту. Ода *Кларисса* есть драгоценной отрывокъ одного изъ сихъ писемъ. Но домашнїя обстоятельства не позволяли ему на ней жениться. Зиму пробылъ онъ въ городѣ, а на лѣто вмѣстѣ съ Дворомъ поѣхалъ въ Фридебургъ. Молшке часто представлялъ его Королю. Фридрихъ сердечно полюбилъ Клоштока, и часто

увѣрялъ его въ своемъ почтеніи, презирая клеветы его непріятелей. Въ 1752 году умерла Королева Луиза, которой смерть воспѣлъ Клопштокъ сколь прогательно и съ шакою не-притворною скорбью. Когда же Король въ слѣдующее лѣто поѣхалъ въ Голштинію, то онъ воспользовался симъ случаемъ и отправился въ Гамбургъ къ своей нѣжной Мешѣ. Тамъ насладился сей Поэтъ прекраснымъ временемъ любви, и прославилъ оное въ пѣсняхъ; тамъ сочинилъ онъ Германа и Туснельду, Вопросы, Оду къ Йонгу, авѣ Музы. И сколь восхищительны его пѣсни къ Цидли, воспѣвныя имъ для своей любезной Меты! Однако жь бракъ ихъ былъ еще опсроченъ, и Клопштокъ возвратился съ Королемъ въ Коленгагенъ. Весь слѣдующій годъ прожилъ онъ въ Даніи, а въ 1754 году поѣхалъ опять въ Гамбургъ, и десятаго Іюня женился на Мешѣ. Но не долго наслаждался онъ съ нею щастіемъ любви: смерть похитила у него супругу. Благородная душа ея извѣ

стна изъ оставленныхъ ею сочиненій, которыхъ выдалъ Клопштокъ (*) Въ самой спасти своей не можетъ онъ безъ горести вспомнить о Метѣ; но сія горестъ совершенно скрыта въ его сердцѣ. Хотя во всѣхъ его сочиненіяхъ видна какая-то мрачная важность, однако жь въ пріятельское общество приходитъ онъ всегда съ веселою улыбкою, и весьма рѣдко показываетъ досаду или скуку. Пріятность разговора его состоитъ въ Аптическихъ шуткахъ и въ тонкой ироніи. Нѣкоторые называютъ его *самымъ придворнымъ геловѣкомъ*. Бывали такія времена, въ которыхъ онъ запирался въ своей комнатѣ на мѣсяцъ и болѣе, не выходилъ за стѣнъ въ домъ Верншторфа, и сей почтенный другъ всегда самъ вызывалъ его изъ произвольного заключенія. Теперь живетъ онъ какъ истинной мудрецъ, окончившій работу свою и съ удовольствиемъ обѣ ней воспоминающій; ино-

гда

(*) Margaretha Klopstock hinterlassene Schriften.

гда пишеть, но болѣе для разума, нежели для чувства; пересматриваетъ прежнія свои сочиненія и ведетъ тихую жизнь въ общественномъ своемъ кругѣ, въ одномъ домѣ съ племянницей своею, мужемъ и дѣтьми ся.

Изображеніе Клопшпоковой Музы превосходитъ силы наши. Мессіада сияетъ въ собственномъ свѣтѣ подобно лучезарному солнцу. Во всѣ вѣки и во всѣхъ зонахъ міра нашего пребудетъ сїя божественная Поэма единственную и несравнѣнную. Поэтъ удивительнымъ образомъ усовершенствовалъ языкъ. Иногда отрывистые, чувственныя тоны выражаютъ действительной ходъ спрасши; длинные періоды его исполнены тончайшихъ оттенокъ; иногда вспрѣчаются сославныя слова, которыя до того времени никому на мысль не приходили, и которыхъ соединеніе толь естественно; прилагательныя имена превращаются въ существительныя, и существительныя въ прилагательныя; вспавки, причастія, сокращенія, исключеніе вспомогательныхъ

ныхъ глаголовъ, скорые переходы, трогательные повороты, гармоническіе Гекзаметры, которые во многосложныхъ стопахъ своихъ выражаютъ величайшее и малѣйшее движеніе; оригинальной, неподражаемой слогъ, облекающей тѣлесныя существа въ эѳирную, духовную одежду, и духовныя въ тѣлесность — и кроме сихъ высочайшихъ красотъ выраженія, какая смѣлость въ сценахъ и характерахъ! Апостолы, адъ, небо, Цидли и Лазарь, Аббадона, Искупитель — какія картины! — Жаль только, что въ сей Поэмѣ, подобно какъ и въ Мильшоновой, вмѣшано слишкомъ много Теологии. — Мессіада и нѣкошорыя Оды составляютъ основаніе Клопштокова безсмертия. Мы не скажемъ ничего о другихъ Гимнахъ его. Такъ называемыя Пѣсни Бардовъ, имъ сочиненные, совершенно чужды нашему вѣку, и сверхъ того темны въ расположении словъ. Германова битва имѣетъ сей же порокъ. Духовныя пѣсни его отчасти превосходны; но въ нихъ есть

Состѣ VI. Ж. при-

принужденные воспорги. Его пьесы — на прим. Адамъ, Саломонъ, Давидъ — наполнены великими красо-
тами въ частяхъ, но въ цѣломъ со-
всѣмъ не театральны. — Разныя про-
заическія пїесы его напечатаны въ
Merkwürdigkeiten der Litteratur и въ Сѣ-
верномъ Зримелѣ.

XI.

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ.

*Эльфрида, трагедія въ трехъ дѣй-
ствіяхъ, сотиненная на Нѣмецкомъ
языкѣ Г. Бертухомъ, и представля-
емая на здѣшнемъ Театрѣ съ Ян-
варя 1792 года.*

Эдгаръ, Король Англійской, услы-
шавъ о красотѣ Эльфриды, дочери
Графа Ольгара, живущей въ Девонши-
ре, посыпаетъ туда любимца своего,
молодаго Графа Ательвольда, поручая
ему увѣритъся въ справедливости слу-
ха, и предложитъ Эльфридѣ руку и
сердце Государя своего, еспѣли она
въ

въ самомъ дѣлѣ споль прелестна. (Довѣренность такого рода покажется намъ странною; но въ десятомъ вѣкѣ, когда по Исторіи жилъ Эдгаръ, люди были не споль разборчивы и не споль нѣжны въ своихъ чувствахъ, какъ мы живущіе въ осьмомъ-надесяти сполѣшіи.) Апельвольдъ прїехалъ, увидѣлъ Эльфриду, полюбилъ, и самъ женился на ней, отписавъ къ Королю, что она недостойна руки его. Онъ возвратился въ Лондонъ, оставя Эльфриду въ замкѣ своемъ, и скрывая красоту ся отъ всѣхъ людей. Эдгаръ зналъ о женищѣ его; но вѣря ему, думалъ, что одно богатство Ольгаровой дочери прельстило Графа. Тутъ начинается трагедія. У молодаго Апельвольда есть пронырливой непріятель, Аббатъ Дунстанъ, которой, узнавъ обманъ его, рѣшился погубить Графа чрезъ открытие онаго, и хитрымъ образомъ возвудилъ въ Король желаніе видѣть Эльфриду, отписавъ между тѣмъ и къ отцу ея, Графу Ольгару, что замъ его не представляеть супруги

своей ко Двору и держитъ ее почти подъ спражею въ уединенномъ замкѣ. Честолюбивой Ольгарѣ, огорченный симъ извѣстіемъ, хочетъ узнать причину такого заключенія, которое почитаетъ онъ оскорбительнымъ для чести дочери своей. Переодѣвшись въ нищенское платье, приходитъ онъ въ замокъ зяля своего, и скрывается въ бесѣдкѣ звѣринца, куда приходитъ и Эльфрида встрѣтить Апельвольда, изъ Лондона прїѣхавшаго. Сїя сцена между супругами, которую Авторъ хотѣлъ сдѣлать нѣжною, перерываетъся приходомъ слуги, сказывающаго, что Король скоро будетъ въ гости къ Апельвольду. Пусть вообразятъ себѣ смятеніе сего послѣдняго! Онъ не можетъ скрыть онаго отъ своей супруги, и открываетъ ей, какимъ образомъ онъ лишилъ ее короны, и обманулъ Короля. Эльфрида любитъ его; уверяетъ, что она на тронѣ не могла бъ быть такъ щастлива, какъ въ его объятияхъ, и хочетъ привориться больною, чтобы избавиться отъ

отъ Королевскаго посѣщенія. Король прѣзжаетъ. Ольгаръ, которой слышалъ весь разговоръ Ашельвольда съ Эльфридою, выходитъ, и доноситъ Эдгару на зятя своего, какъ на преступника, употребившаго во зло довѣренность Государя своего, и обманомъ женившагося на той, которой надлежало прославить родъ свой и бышь супругою Королевскою. Онъ ведетъ Эдгара къ Эльфриду. Король видитъ красоту ея, осуждаетъ бывшаго любимца своего, и повелѣваетъ ему навсегда удалившись изъ государства. Но Эльфрида падаетъ къ ногамъ его и требуетъ помилованія. Эдгаръ по видимому смягчающеся, уничтожаетъ приговоръ свой, говоритъ о другомъ средствѣ къ примиренію, не сказывая онаго, и величъ Ашельвольду слѣдовать за нимъ въ лѣсъ. Эльфрида думаетъ, что супругъ ея прощенъ; но скоро радость ея перемѣняется въ опочаиніе, когда приходящъ ей сказать, что Король закололъ Ашельвольда, вызвавъ его на поединокъ. Она безмолвствуешьъ, и чувства

на время оспавляютъ ее. — Въ по-
слѣднемъ дѣйствіи зрители видятъ
умерщвленнаго Ашельвольда, лежаща-
го на софѣ, и блѣдную Эльфриду, по-
длѣ него споящую. Вся вселенная для
нее погибла. Тутъ жестокосердой
Ольгарѣ приходитъ говорить ей о ру-
кѣ Королевской, о престолѣ, о чесши.
Слезы ея не смягчаютъ его. Онъ хо-
четъ принудить ее быть супругою
Эдгара, въ каторомъ ненавидитъ она
Ашельвольдова убийцу. Эльфрида
остаётся одна, высылаетъ служанокъ
своихъ, ходитъ въ безпамятствѣ по
комнатѣ, смотритъ на мертваго су-
пруга, подымаетъ глаза на небо, выни-
маетъ кинжалъ и поражаетъ себя въ
сердце. Король и Ольгарѣ приходятъ
быть свидѣтелями ея смерти.

Содержаніе сей трагедіи само по
себѣ интересно; но Авторъ об-
работалъ оное не весьма удачно.
Кажется, что онъ не знаетъ сего
великаго искусства потрясать сердца
наши, которое, такъ сказать, присвѣ-
мли себѣ многіе изъ его соотечествен-

чиковъ — онъ не Гете, не Шиллеръ, не Клингеръ, не Коцебу. Нѣтъ ни одной истинно прогательной сцены, кроме той, гдѣ Эльфрида въ беззапятствѣ ходитъ по комнатѣ, не говоря ни слова; но горе Автору, которой нравится только своимъ безмолвіемъ! Характеръ Эльфриды изображенъ довольно слабо; а всѣ прочіе мнѣ противны. Эдгаръ, котораго многіе Историки называютъ *любовью и умѣхой Англіи*, представленъ здѣсь весьма дурнымъ человѣкомъ. Онъ находится Эльфриду опѣнно прекрасною, и видитъ, что Апельвольдъ обманулъ его; но самая сія опѣнная красота извиняла Графа — и сердце мое говоритъ, что Эдгаръ долженъ спровадить просить его. *Мы будемъ биться за Эльфриду, говоритъ онъ, и да будетъ она наградою побѣдителя!* Я не знаю, какимъ человѣкомъ хотѣлъ Авторъ представить Эдгара; однако жъ вѣрно не злодѣемъ, не извергомъ? Но кто, кроме изверга, захочетъ убить любимаго супруга, чтобы по-

слѣ женившись на отчаянной вдовѣ? Здѣсь страсть ничего не извиняетъ; да и могъ ли Король въ одну минуту такъ сильно влюбиться въ Эльфриду? Естѣли же Апельвольду непремѣнно умереть надлежало, то лучше бы умереть ему отъ руки раздраженнаго Ольгара. Въ семъ послѣднемъ видимъ мы несомнѣнно жестокаго отца, и я не могу представить себѣ, чтобы какой нибудь Актеръ могъ хорошо сыграть сю безчувственную роль; а что принадлежитъ до Апельвольда, то онъ ни мало не дѣлается любезнымъ отъ того, что называетъ себя безъ нужды величайшимъ злодѣемъ, поминутно обнажающъ мечъ или кинжалъ свой, и просипъ то Эльфриду, то Короля пронзить его сердце. Все сіе не натурально и ни мало не трогаетъ. Дунстанъ нуженъ былъ только для того, чтобы написать письмо къ Ольгару и заставить Эдгара прїѣхать въ замокъ къ Апельвольду; впрочемъ его можно назвать совершенно излишнимъ въ двухъ послѣднихъ актахъ.

Но справедливость заставляетъ
меня похвалить игру Гжи. Марии Си-
нявской, представляющей Эльфриду. Въ
нейной сценѣ играетъ она совершенно
хорошо, и прогааетъ зрителя каж-
дымъ взоромъ, каждымъ движеньемъ
своимъ. Но испинные знапоки Теа-
тра хотѣли бы, чтобы она не слу-
шалась Автора въ той сценѣ, гдѣ раз-
сказываютъ ей о поединкѣ Ашель-
вольда, и гдѣ она, по предписанію
Господина Бершуха, стоитъ опер-
шившись на плечо своей служанки, —
слышитъ о смерти супруга и оспаєт-
ся въ молчаніи, не дѣлая никакого
сильнаго движенья, и довольствуюсь
однимъ вздохомъ. Это неестествен-
но; надобно, чтобы извѣстіе о кон-
чинѣ его попрясло всю внутрен-
ность ея, и чтобы сѣе движенье ду-
ши сильно обнаружилось. Можно по-
желать и того, чтобы она не цѣ-
ловала кинжала, передъ пѣя, какъ
ей надобно заколоться. Къ чему та-
кая нѣжность! желѣзо нечувствитель-

но. Испинцой вкусъ симъ оскорбляется.

Здѣсь за нужное почитаю скажать, что Г. Бертухъ никогда не бывалъ *славнымъ Авторомъ* (какъ-то отъ Московскаго Театра объявлено было), и что Эльфрида его давно уже забыта въ Германіи; но есть другая Эльфрида, сочиненная Клингеромъ, которую всегда читать будутъ.

XII.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О КНИГѢ.

Опытъ *Повѣстованія о дѣяніяхъ, положеніи, состояніи и раздѣленіи Санктпетербургскія Губерніи, включая народы и селенія отъ временъ древнихъ до нынѣ, расположенный на три отдѣленія съ прибавленіями* (*). Н. О. Г.

Огла-

(*) „Посылаю вамъ оглавленіе сочиненіаго мною описанія Санктп.-Петербургской Губерніи (пишеть ко мнѣ Г. Сочинитель). Вы можете или напечатать оное для свѣдѣнія Публики о двухъ типнѣ моемъ трудѣ, и въ такомъ случаѣ не отказываюсь по требованію вашему сообщать и выписки изъ примѣчательныхъ, какія вамъ показутся, спасей, до конца удающіеся оное отъ Всевысочайшей Десницы живиться полнымъ въ печати — или оставить для вашего свѣдѣнія.,, Мнѣ кажется, что выписки изъ первого отдѣленія могутъ быть очень интересны для Читателей Моянов. Журнала. Г. Сочинитель сообщеніемъ оныхъ обяжетъ Издателя. — К.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отделение первое.

История вся Губернии вообще отъ древнихъ временъ до нашихъ.

Введение. — Глава первая — отъ неизвѣстныхъ намъ временъ до временъ Греческихъ Писателей.

Глава вторая — состояніе Санктпетербургской Губернii отъ временъ Греческихъ Писателей до принятія Рюрикомъ Россійскаго владѣнія.

Глава третія — о народахъ издревле Санктпетербургскую Губернію населяющихъ, какъ-то Славянахъ, по томъ Славяно-Россахъ, Чули, Ямахъ, Корелахъ, Ижерахъ, Эспахъ, Финнахъ, Лептахъ, Нѣмцахъ, Шведахъ. Упоминованіе о Вотахъ и Копорьянахъ и о Водской пятинѣ.

Глава четвертая — приключенія Губернii отъ властнованія великаго Князя Рюрика до начала претпяго, надеяшь вѣка. 1) Правленіе и раздѣленіе Губернii; 2) военныя дѣйствія;

ствія; 3) знаменитыя путеше-
ствія; 4) торговля и монета; 5)
знаменитыя люди; 6) нещастія.

Глава пятая — отъ начала третъ-
ягонадесѧть вѣка до уничтоженія
власти Новогородцевъ Царемъ
Іоанномъ Висильевичемъ Великимъ.
1) Возраженіе; 2) военныя дѣй-
ствія; 3) торговля и монета; 4)
знаменитыя особы; 5) нещастія.

Глава шестая — отъ временъ Царя
Іоанна Васильевича до начала ось-
маго надесѧть вѣка. 1) Военныя
и другія происшествія; 2) торго-
вля; 3) внутреннее Губерніи управ-
леніе.

Глава седьмая — отъ начала осьмагона-
десѧть вѣка до мирнаго Губерніи
состоянія или до 1705 года; за-
ключаетъ въ себѣ военныя въ Санкт-
петербургской Губерніи дѣйствія
и возвращеніе ея подъ державу Рос-
сійскую; упоминается тутъ же
и о заложеніи Санктпетербурга,
Кроншлота, оружейныхъ и ли-
нейныхъ заводовъ въ Систербекѣ,

города Новой Ладоги, Адмиралтейской Санктпетербургской верфи и ея крѣпости, и о перво-пришедшемъ корабль въ Санктпетербургской Портъ.

Глава осьмая отъ 1705 года до кончины Государя ИМПЕРАТОРА ПЕТРА Великаго, расположенная по годамъ 1705 — 1725.

Глава девятая представляетъ чѣкоторыя происшествія послѣ 1725 года.

Отдѣленіе впороє.

Изображеніе Губерніи споюще въ елѣ гражданскомъ и естественномъ состояніи.

1. Прежнее Губерніи состояніе.
2. Раздѣленіе Губерніи по нынѣшнему ея положенію.
3. Число селеній съ различіемъ городовъ, крѣпостей, селъ, деревень, мызъ и острововъ.
4. Число жителей, съ вѣдомостями о родившихся, бракомъ сочесавшихся

- и умершихъ обоего пола въ 1786 ,
1787 и 1788 годахъ .
5. Число монастырей и церквей .
 6. Вѣра .
 7. Народы и языки .
 8. Нравы , обычаи , домоспроишѣ-
ство , суевѣріе .
 9. Законы , ученія и богоугодныя за-
веденія .
 10. Состояніе естественное , земле-
дѣліе , скотоводство .
 11. Погода , климатъ , время , дни и
ночи .
 12. Воды .
 13. Доходы казенные и помѣщичьи ,
кабаки , заводы , соль , пошлина и
проч .
 14. Управленіе , присудственные мѣ-
ста и чины .
 15. Архіереи , Губернаторы .
 16. Дороги и почтовыя станціи , и на
ныхъ число лошадей и ежегодной
за нихъ изъ казны плашежъ .
 17. Почта письменная и тяжелая , при-
ходъ , отходъ и отправленіе писемъ
и

и посылокъ, и плашежъ за оныя по вѣсу.

13. Разныхъ заведенія въ Фабрикахъ, заводахъ и мельницахъ.
 19. Правительство иностранныхъ церквей.
 20. Торговля, деньги, мѣра, вѣсъ.
 21. Царство животныхъ.
 - а) Звѣри.
 - б) Птицы.
 - в) Рыбы.
 - г) Насѣкомыя.
 22. Царство растѣній.
 23. Царство ископаемыхъ.
 24. Гербъ Губерніи.
 25. Мундиръ Губернскій.
-

Опідѣленіе третіе.

Описаніе каждого уѣзда порознь, содѣржащее исторію каждого города, число жителей въ уѣздахъ, торговлю, заводы и благосостояніе.

1. Показаніе разстояній знаменитыхъ мѣстъ сея Губерніи.

2. Уѣздъ Сankпepeбургскій.
 - а) Губернскаго и преспольнаго го-
рода Сankпepeбурга описаніе.
 - б) Сankпepeбургская округа.
 - в) Кронштадтъ.
3. Уѣздъ Софійскій.
 - а) Уѣздный городъ Софія.
 - б) Софійская округа.
4. Уѣздъ Ораніенбаумскій.
 - а) Уѣздный городъ Ораніенбаумъ.
 - б) Описаніе округи Ораніенбаумской.
 - в) Примѣчательныя мѣста.
5. Уѣздъ Шлиссельбургскій.
 - а) Уѣздный городъ Шлиссельбургъ.
 - б) Шлиссельбургская округа.
 - в) Ніеншанцъ и проч.
6. Уѣздъ Рожественскій.
 - а) Уѣздный городъ Рожественъ.
 - б) Описаніе округи Рожественской.
7. Уѣздъ Ямбургской.
 - а) Уѣздный городъ Ямбургъ.
 - б) Описаніе Ямбургской округи.
8. Уѣздъ Нарвской.
 - а) Уѣздный городъ Нарва.

- б) Ивангородъ.
 - в) Описаніе округи Нарвской.
 - 9. Уѣздъ Гдовскій.
 - а) Уѣздный городъ Гдовъ.
 - б) Описаніе Гдовской округи.
 - 10. Уѣздъ Лугскій.
 - а) Уѣздный городъ Луга.
 - б) Описаніе Лугской округи.
 - 11. Уѣздъ Новоладогскій.
 - а) Уѣздной городъ Новая Ладога.
 - б) Описаніе округи Новоладожской.
 - в) Старая Ладога.
-

Опдѣленіе четвертое

состоитъ въ прибавленіяхъ.

- А. Краткій Словарь Россійскій, Ижерскій, Финскій, Эспонскій, Чюдскій и Ямскій.
- Б. Вѣдомость о состоящихъ въ Губерніи селеніяхъ, раздѣленная по уѣздамъ.
- В. Алфавитъ о состоящихъ въ сей Губерніи городахъ, слободахъ, селахъ, погостахъ, деревняхъ, мызахъ,

захъ, дачахъ, заводахъ, мельницахъ,
заливахъ, озерахъ, рѣкахъ, ручь-
яхъ, горахъ и проч. и проч.

Опдѣленіе пятое.

Присовокупленные къ сему описанію
двадцать пять тережей.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран. Спрок. Напечатано: Читай:

30	—	23	—	часы	—	—	часъ
40	—	7	—	опишуда	—	опишуда	
48	—	1	—	за всемъ	—	за всѣмъ	
59	—	6	—	надъ кото.	надъ	кото-	
					(рыми		(рымъ
68	—	20	—	медицыны	—	медицины	
77	—	5	—	1476	—	—	1746
77	—	13	—	не нрави-		не нравились	
					(лися		

СОДЕРЖАНИЕ.

Страницы

Опрывомъ изъ описанія празднества, бывшаго у Его Святейшества Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго	5
На разлуку съ Бор	6.
О слабости !	10.
Пххвала Элизѣ	—
Прогулка Арабскаго Философа	
Ал - Рашида	17
Лисимахъ	22
Письма Русскаго пурпурнаго Князя	30
И. КЪ портрету моинаго Князя	
Михайла Никифорича Волконскаго	64
Разные опрыски	65
Жизнь Клонштока	74
Московской Театръ	98
Объявленіе о книгѣ	107

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ на
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь годъ она
стоитъ въ Москвѣ пять руб-
ля съ пересылкою семь. Кому же
угодно будетъ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щить при томъ свой адресъ, и въ
шакомъ случаѣ ручаться за вѣрное
доставленіе Журнала.